

ДЕТИ АЛЛУРИИ

Штурм

М. Вой

Мария Вой

Дети Аллурии. Штурм

«Издательские решения»

Вой М.

Дети Аллурии. Штурм / М. Вой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854004-2

Сводные брат и сестра, выращенные отошедшим от дел старым пиратом Соленым Псом, уже 12 лет живут на Острове Отщепенцев, где жителям запрещено говорить о прошлом и использовать свои настоящие имена. Оба мечтают о Большой Земле, где, по рассказам их названного отца, все еще обитают фантастические твари, живут удивительные люди и происходят необъяснимые события. Черда загадочных встреч подсказывает детям, что настало время им самим прикоснуться к тайнам Древней и безнадежно уснувшей Аллурии...

ISBN 978-5-44-854004-2

© Вой М.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Корсар и колдун	9
Глава 2. Остров Отщепенцев	14
Глава 3. Сладкое перо	23
Глава 4. Нечто	28
Глава 5. Новые и старые письма	34
Глава 6. Жертва	42
Глава 7. Большая Земля	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дети Аллурии. Штурм

Мария Вой

Иллюстратор Мария Войниленко

Дизайнер обложки Георгий Гаврилов

© Мария Вой, 2017

© Мария Войниленко, иллюстрации, 2017

© Георгий Гаврилов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-4004-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

– Хочешь, расскажу тебе историю?

Нескладная, похожая на мартышку-переростка девочка повернула голову и уставилась на говорившего откровенно брезгливым взглядом. Толстяк, развешивавший все это время какие-то тряпки, теперь уселся в старое плетеное кресло и с любопытством смотрел на нее. Ему было лет пятьдесят, не меньше; потливый, неуместно улыбочивый, он и не мог вызвать ничего, кроме приступа раздражения.

– Какую историю? – угрюмо спросила девочка, когда пауза начала неприятно затягиваться.

– Хорошую. Долгую. В самый раз для такого дождя.

Она сердито фыркнула, глядя на водную стену, размывшую все за пределами террасы в одно большое серо-зеленое пятно.

– Он сейчас прекратится и мы пойдем к морю, – упрямо проворчала она. – Уже скоро.

Толстяк неуверенно крякнул, видимо выражая сомнение в сказанном: дождь лил с самого утра не переставая, и небо не давало никакой надежды на то, что ситуация может измениться в ближайшее время. Его кряк мгновенно вызвал у девочки новый приступ недогования, вставший комком в горле, как слезы или тошнота. «Как же ты мне надоел, надоел, надоел!» – выла она про себя в бессилии, собираясь одним взглядом, полным яда, заставить Толстяка оставить ее в покое. Взгляд ее споткнулся на тряпках, которые Толстяк вешал на веревку до того, как заговорить с ней.

Рубашки, шейные платки, легкий плащ и пара штанов, дешевые, уже, видно, давно отжившие свое, но старательно починенные явно не женскими руками... Это трогательное несчастное тряпье вдруг показалось ей похожей на нее саму – тем, что оно так грустно и безнадежно висело; тем, что оно было не раз перестирано, перешито и перештопано; и еще чем-то, чему девочка не могла дать описания, но что так остро отзывалось в ее душе маленьким звонким колокольчиком.

– Это большая история или маленькая?

– Как это? – удивился Толстяк. С облегчением поняв, что он не считал ничего из того, что она успела себе подумать про него, его тряпки и прочее, она с готовностью пояснила:

– Маленькая история – это когда про кого-то одного, или про него и его друзей, а большая – это когда про путешествия, и многие страны, и много персонажей, хороших и плохих.

Толстяк задумался, зажевав пухлый палец.

– Не знаю даже. Хороший вопрос. Наверное, маленькая, превращающаяся в большую. Ведь все рано или поздно вырастает.

– Она случилась в прошлом? Она настоящая?

– В прошлом. Не в будущем же. Как история может случиться в будущем? Хотя, конечно, если хорошо подумать, время ведь течет не совсем так, как мы представляем. Может быть, из будущего она к нам и перетекла.

Девочка нахмурилась, обдумывая сказанное. Она уже было открыла рот, чтобы задать какой-то вопрос, но Толстяк торопливо перебил ее:

– Вообще-то не имеет значения – в прошлом это происходило или в будущем. Мы все равно никогда не узнаем правды. И да. Она настоящая. Но это тоже не важно. Все равно ты мне не поверишь. Так что давай считать, что она случилась в прошлом. В том прошлом, где наука еще не разгадала все секреты чудес, например. Впрочем, она и сейчас-то не все разгадала, хехе... Далеко не все.

Всем кажется, что в прошлом люди были глупее, чем сейчас. Ничего не знали и все выдумывали, чтобы как-то себе объяснить. Что все они были дикие, недалекие и трусливые. И что

кроме них не было больше никаких разумных существ, отличавшихся по форме, восприятию и знаниям. Что все всегда полагались только на ум, потому что если сейчас нет никого, кто мог бы проявить незаурядные, нечеловеческие способности, то в старину и подавно. Без всех тех возможностей, что есть сейчас благодаря науке. Я не имею ничего против науки. Но по моему, именно она сделала нас всех ужасно высокомерными.

Взгляд девочки снова невольно скользнул по одежде Толстяка. Укол совести не позволил ей посмотреть на рассказчика прямо, и она уставилась на свои длинные пальцы с давно не стриженными ногтями, которые вдруг показались ей ничем не приятнее, чем три подбородка и шарообразный живот ее нового приятеля.

– А как там в действительности было? В прошлом?

– В действительности были пять мирозданий. Северное, Южное, Восточное и Западное по сторонам света, и Срединное – между ними, в самом центре, огороженное от Северного и Восточного морями, а от Западного и Южного – Длинным Океаном. Срединное было, конечно, самым богатым и «развитым». Для обильных урожаев, торговли и крупных городов более удачного места придумать было нельзя. Туда стекались лучшие умы с Севера и Востока, да и остальные два мироздания не оставались внакладе. Крупнейшие университеты Науки и Магии рассыпаны по Срединному, лучшие воины, наемники со всех уголков планеты, мудрецы, купцы, люди искусства – все стремились туда. Правда, преуспевали там не все – когда в одном месте собирается столько талантливых людей, борьба неизбежна... У Срединного мироздания был и свой скелет в шкафу, о котором его жители предпочитали лишней раз не упоминать: в Древние времена, когда беглецы с других мирозданий только начали покорять океаны и моря и обнаружили эту удивительную землю, здесь обитали самые невообразимые существа. Банальные драконы, грифоны и эльфы, о которых не рассказывает только ленивый, и рядом не стояли с теми созданиями. А люди! Что там были за люди!.. Но с приходом чужаков все эти удивительные аборигены ушли – кто-то в другие мироздания, кто-то исчез, оставшись только в легендах и преданиях, обратившись бесплотными духами, а кого-то насильно заставили уйти... Ну то есть – истребили.

Толстяк так выразительно вздохнул, что девочке тоже стало тяжело, словно ей в голову вдруг пришло неприятное воспоминание.

– Такова, видимо, плата за прогресс. Одно прекрасное ушло, чтобы уступить место другому. Несмотря на свое откровенное хамство по отношению к тем, кто был вынужден покинуть свои родные места по вине чужаков, пришельцы действительно стали возводить на отвоёванной территории нечто прекрасное. Знаешь, то, что они тогда делали, не идет ни в какое сравнение с тем, что мы делаем сейчас – я имею в виду, все человечество, а не мы с тобой. Если бы хоть кто-то из наших современников видел ту архитектуру, читал тех философов, видел те изобретения, постиг хотя бы самые простые из техник, что исповедовали их мастера, все бахвальство по поводу нынешнего нашего, хе-хе, «прогресса» испарилось бы без следа.

И такие удивительные вещи происходили не только в Срединном мироздании. Как ты помнишь, его населили пришельцы из Восточного и Северного. Фактически, все свои чудеса и умения они натащили на новую землю со своих родин. Восток – самое большое и многоликое из мирозданий; там было все: сырые тропики, огромные горы, продуваемые голые равнины, леса, безбрежные пустыни. Там разные люди говорили на тысячах языках, не похожих друг на друга, исповедовали религии и мировоззрения, различающиеся как небо и земля.

На Севере хватало своих чудес. Чем ближе к Краю Света, который никто, кстати, никогда не видел, тем там становилось холоднее, а горы росли все выше, пока не уходили своими пиками прямо в небо. Людей из-за такого климата на Севере жило меньше, зато в избытке хватало других существ. Магия давалась Северу проще – здесь было в разы меньше умников, пугавших ее своим желанием над всем поставить опыты. Кстати, история наша там и будет происходить – на Севере, в Аллурии, самой большой и близкой Срединному мирозданию стране.

– Так и знала. Все интересные истории всегда происходят на севере!

– Хе-хе. Что до Южного мироздания, туда мало кто совался. По сравнению с остальными мирозданиями, это действительно был дикий край, населенный не подвластными пониманию существами – что, кстати, совсем не значит, что они были примитивнее остальных. Просто они были другие. Совсем. И мало у кого хватало смелости изучить их повадки.

На Западе не жил почти никто. Запад для жизни был непригоден. Если Север, Восток, Юг и Сердце – это, по сути, скопление материков, то Запад – это материк, некогда ушедший под воду, от которого осталось лишь несколько вулканических архипелагов. Есть предположение, что это бывшая великая цивилизация, подобравшаяся слишком близко к границам величия, привела целое мироздание к какой-то катастрофе. Что на дне океана лежат города, удивительные устройства и скелеты невиданных видов и рас. Проверить это никак нельзя, но и отвергать такую гипотезу напрочь – тоже, мне кажется, не очень умно.

Что до богов...

– Не хочу богов, – вдруг вспыхнула девочка. – Ты говорил, это маленькая история. Я все поняла про мироздания, теперь давай историю. Потом про богов.

– Хорошо.

Толстяк устроил свою массивную тушу удобнее в кресле и застыл, не мигая глядя в водную стену. Она терпеливо ждала, пока он пережует свое молчание, но он не торопился начинать. Раздражение снова начало зарождаться где-то на уровне диафрагмы, и она уже было вытянула ноги и коснулась пальцами пола, как Толстяк вдруг подал голос:

– В сером плаще с лазурным подбоем...

Глава 1. Корсар и колдун

В сером плаще с лазурным подбоем, шатающейся походкой моряка, ранним вечером четырнадцатого числа второго летнего месяца в глухую таверну на западной окраине столицы Аллурии вошел капитан Соленый Пес.

Прямая спина, задранный подбородок и широкие плечи создавали иллюзию внушительного роста, но на самом деле высоким он не был. В руках он нес мешок, в котором находился какой-то большой круглый предмет. Соленому Псу было чуть меньше пятидесяти, и его каштановые кудри и рыжую бороду уже прилично тронула седина, а некогда округлые щеки, ради которых он бороду и отращивал, запали и обветрились.

Корсары, к которым тогда принадлежал Соленый Пес, обычно плащей не носят. Да и вообще он был одет, как щеголеватый состоявшийся купец. На сей раз даже любимой широкополой шляпе с разноцветными перьями не нашлось места на него полной мрачных дум голове. Тому было простое объяснение: Пес прибыл в город по суше и явно не хотел быть узнанным.

Он сел за дальний столик, заказал себе эль и обед, как вдруг взгляд его раскосых сероголубых глаз зацепила фигура в другом конце таверны. Мужчина в фиолетовом балахоне тоже узнал Пса и махнул ему рукой, приглашая за свой стол. Соленый Пес коротко подумал над его предложением и быстро перемахнул к знакомому.

– Вот так встреча, – прошелестел тот. – Я бы тебя не узнал, если б не борода и щеки. Они совсем уже прилипли к черепу, я тебе доложу. Короче, выглядишь ты паршиво, Пес.

– Спасибо на добром слове, Гаэрдос.

Гаэрдос был чуть младше, и хотя его балахон видал и лучшие времена, а туфли покрывал толстый слой грязи, холеные руки и гладкое бледное лицо выдавали в нем представителя менее изматывающего, чем у Пса, ремесла. Этот человек с длинным горбатым носом и внимательными черными глазами когда-то был его старинным другом – если, конечно, бывают у свирепых пиратов друзья, – а затем амбициозность и хитрость вывели его на вершину, и он стал главой Гильдии Чудес в Аллурии. Пес, конечно, знал, что Гаэрдос никакой не колдун, а искусный фокусник, но поневоле уважал его умение заговаривать зубы.

– Я знал, что ты сюда придешь. Собственно, для тебя я сюда и притащился. Подумал, что из всей бездны моих друзей старый Соленый Пес именно тот, кто мне подставит плечо в эту горькую минуту.

Несколько минут они изучали друг друга с бесстыжим любопытством, с ног до головы, и оба пришли к выводу, что выглядят совсем неважно. Гаэрдос похудел и обрюзг, а в льдистых глазах Соленого Пса металась какая-то невысказанная тревога вместо привычной свирепости.

– Ну ладно, хватит нам играть в гляделки, – сдался Гаэрдос первым. – Тебя-то какая нелегкая занесла в нашу глухомань?

– А у тебя откуда грязь под ногтями? – не растерялся Пес. – Неужто больше не колдуешь? Гаэрдос скрыл гримасу неудовольствия в кружке с элем.

– Ты по-прежнему вредный, как капризная купчиха. Когда-нибудь я пойму, как заставить тебя рассказывать истории первым. Но так уж и быть. Больше не колдую, ты правильно догадался.

– Отчего же так?

– И не буду больше. По крайней мере здесь. Я три месяца пытался добиться личной аудиенции у короля, но без толку. У Их Королевской Безмозглости есть дела поинтереснее.

– Ух ты, какой мятежный тон.

– А так и есть. – Гаэрдос в одно мгновение избавился от напускной расслабленности и вдруг словно раздулся от негодования. Ноздри его орлиного носа нервно раздувались, как кузнечные меха. – Словно ты не понимаешь, что происходит.

– До нас, морских деревенщин, кое-какие новости иногда доходят, знаешь ли. Но интересно, что видишь ты.

– Трусость и близость катастрофы я вижу, Псина. Я всегда старался предупредить его – через советников, вояк, кого угодно! – что политические игры – не его стезя. Хотя по совести, если он в чем-то и виноват, то только в том, что у него пустая черепушка. – Гаэрдос приблизил лицо к уху Пса. – Завел нехорошую дружбу с Срединными – а ты знаешь, чем обычно заканчивается такая дружба. Уж не знаю, что они там ему наобещали, но после его короткого визита туда пару лет назад все пошло коту под хвост. Все, чем мы когда-либо гордились, Пес. Его Куриность роздал широкие полномочия каким-то людям, которых я вообще никогда не видел в числе его приближенных – а ты знаешь, я одно время вертелся у самого трона; он заключил уйму самых невыгодных договоров, притащил сюда к нам умников и толстосумов, каждый со своей свитой и гвардией человек в сто, и они тут наводят свои порядки. Срединные никогда не упускали случая откусить от чьего-нибудь пирога, ну и тут не стали сдерживаться. Своей земли им уже мало – им нужно все, до чего можно достать.

Гаэрдос разнервничался, перелил на себя полкружки эля и даже предпочел не обратить на это внимание.

– Короче, они набросились на Аллурию, как тьма саранчи на пшеничное поле. Или как стервятники на мертвечину, теперь уже не знаю. Одна за другой разоренные Гильдии прекращали свое существование, и вот очередь дошла до моей. Мне не у кого искать поддержки. Да и мало кому теперь нужны наука, магия, искусство и ремесло – народу б теперь найти, чего покушать, понимаешь? А наш нежный Лучезарный сидит у себя во дворце и трясется со страху, потому что если он осмелится тявкнуть в сторону новых хозяев, то его собственные гвардейцы по одному щелчку перережут горла ему и его детишкам.

Пес молча обдумывал сказанное, вполглаза глядя на Гаэрдоса, который обхватил себя за плечи и кусал толстую нижнюю губу.

– Я знаю, ты всегда был невысокого мнения о моих способностях, но Гильдия была делом моей жизни. Я ей все свое время посвящал и ни о чем больше не думал. У меня были талантливые ученики, куда талантливее меня, а теперь они побираются по помойкам. Я многих из них любил, как собственных детей, – совсем жалобно закончил он.

– Детей? Тогда вот тебе моя история, Гаэрдос – я потерял единственного родного сына!

Гаэрдос выпучил глаза. Пес разнервничался: его руки сами собой сжались в кулаки, а на виске вздулась пухлая вена.

– Тот твой паренек? Но как? – потрясенно спросил колдун.

Корсар залпом осушил свою кружку и рявкнул вторую. Уничтожив и ее в пару мощных глотков, он собрался с духом, тяжело вздохнул и заговорил:

– Я уже давно не пират. Я с этого начал, когда отец моей невесты, тогда еще бывший самым страшным головорезом во всех северных морях, взял меня с собой на корабль, якобы под предлогом изучать вместе звезды, поскольку он в них действительно многое понимал. Мне было восемнадцать, я никогда не помышлял о море и тем более разбое. Честно говоря, море и сейчас особого трепета у меня не вызывает. Я мечтал стать астрономом или мирным земледельцем, но судьба распорядилась иначе. Мой тесть, прикинувшийся сначала торговцем (а невеста ему в этом прекрасно подыграла, сама очарованная романтикой морского разбоя), оказался самым матерым морским волком из всех, кого я знал. Когда он охромел и сошел на сушу навсегда, я унаследовал его корабль. Разбой мне быстро наскучил, и я поступил на службу к королю.

– Это я знаю, – нетерпеливо сказал Гаэрдос. – Но при чем тут...

– Я пытаюсь быть последовательным, – нетерпеливо перебил Соленый Пес. Гаэрдос вскинул раскрытые ладони, обещая больше не перебивать. – Так вот. Грабил я только корабли Срединных. У северян мне воровать было нечего – по-настоящему ценного груза немного, интересные вещицы я выменивал на берегу, словом, опасно, суматошно и как-то уж слишком неблагоприятно даже для такой свиньи, как я. Вести о моих морских успехах дошли до короля. Тогда он еще не влип в эту историю, о которой ты мне поведал, и с королевского указа я стал корсаром. Он даже лично встретился со мной пару раз, и, признаюсь, я был крайне польщен таким вниманием. Для моих дел мне дали небольшой флот из пяти быстрых кораблей, и я стал его командором. Мы налетали на корабли Торговых Гильдий Срединных земель как буря, грабили их, топили, иногда похищали высоких особ и дорого их продавали. Меня и моих ребят боялись как чумы, и страшно было им не из-за нашей жестокости, а потому, что они даже не представляли, как нас выследить.

А секрет нашей неуловимости был прост. Король подарил мне остров, очень укромный, его не найти даже самому опытному капитану, если не знать точно, где он находится. За какие-то пару-тройку лет мы построили там настоящий порт приписки и маленький городок, где нас ждали жены и дети. Мой собственный сын и жена, пока она не исчезла, тоже жили там...

А полгода назад случилось то, что и превратило меня в эту старую развалину. – Соленый Пес беспомощно всплеснул руками. – Нас предали. Три из моих пяти кораблей были затоплены, команды скормлены рыбам, а поселение разграблено. Всех его женщин и детей увели в плен, мужчин убили, а своего сына я нашел в своем сожженном дотла доме. Горсть пепла – все, что от него осталось. Ему еще и четырнадцати не исполнилось тогда...

Повисла пауза. Гаэрдос не решался подать голос. Пес скривился, словно ему в рот попала какая-то мерзость.

– Я ощутил жажду мести и стал искать виноватых. Те немногие на острове, кто успел спрятаться от резни или плена, рассказали мне в один голос, что среди кораблей Срединных были и корабли Северян, а на крупнейшем из них развевался синий флаг с гербом королевской семьи. И третье, что мне рассказали позже, а теперь подтвердил мне и ты – о предательстве короля...

– Ты ему стал больше не нужен, – догадался Гаэрдос. – Но он понял, что если расскажет тебе все как есть, ты поднимешь мятеж. Поэтому просто ко дну пустил тебя и твой флот... Единственное, чего я не понял – Срединные же умеют считать? Они же должны были понять, что потопили не все корабли. Да и как же они могли обойтись без главного доказательства своего успеха – твоей головы?

– А кто сказал, что у них не будет моей головы? – немного развеселился Соленый Пес и приложился к уже третьей кружке эля. – Я приехал сюда не для того, чтобы выпрашивать у короля милость. И не для того, чтобы ему отомстить. Я просто хочу проследить, чтобы мой человек, выдающий себя за предателя, передал кое-кому одну кучерявую рыжебородую голову в мешке – Он положил на стол перед Гаэрдосом свой мешок. Колдун побледнел и подвинулся ближе к краю стола. – Тогда Соленый Пес умрет, а я стану кем-то другим. Отдохну на старости лет. Для «Горбатой Акулы» я тоже нашел покупателя. Скоро она исчезнет, словно ее никогда и не было. Пойдем на воздух, тут уже совсем нечем дышать.

Они вышли из душной, пропахшей пивом и потом таверны и побрели к окраине города. Уже спустились липкие сизые сумерки, и фонарщики взбирались на свои стремянки, оперев их на столбы фонарей. Корсар и колдун вышли к краю скалы, под которой плескалось тихое гладкое море, и закурили трубки.

– Смешно и горько, – сказал вдруг Гаэрдос. – Я теперь буду побираться по всей Аллурии, как какой-то фокусник-проходимец, а ты после своей «смерти» просто убежишь поджав хвост выращивать тыквы и пялиться на звезды. Разве такую судьбу мы себе придумывали тогда, мальчишками, тридцать лет назад? Две старые развалины и только.

К его удивлению, Пес не раздражился, а лишь в очередной раз вздохнул.

– Да и черт с ним. Когда-то я мечтал о смирении и умении прощать. Может, пора начать учиться?

Гаэрдос загадочно улыбался, глядя в плотную синеву вечернего неба. Когда они вытряхнули пепел из трубок уже во второй раз, он откашлялся и подал голос – мягко, без привычной суеты:

– Знаешь, ты зовешь меня фокусником и не веришь в мои способности, но я действительно знал, что встречу тебя и нам будет, что обсудить. Ты мне был нужен, а я нужен тебе. Потому что у меня есть блестящий план.

Соленый Пес стоял в своей каюте перед большим сундуком, который внесли на корабль его матросы. Это был подарок Гаэрдоса – и ключевая часть его плана, о котором колдун еще не рассказал. Сердце Пса зашлось в гулком галопе – он догадывался, что увидит, открыв сундук, и изо всех сил желал, чтобы его предположение оказалось лишь фантазией. Ключ повернулся в замке, замок щелкнул, Соленый Пес резко откинул крышку и судорожно вздохнул.

Он давно отвык от вида маленьких детей, поэтому, вытащив из сундука свой «подарок» и разрезав веревки на тоненьких лодыжках и запястьях, сначала долго и удивленно рассматривал его, как редкого звереныша. Почему-то ему пришло в голову, что свернуть шею котенку было бы сложнее, чем этому хрупкому ребенку, смотревшему на него огромными заплаканными глазами в пол-лица. «Бойтся, чуть не умирает, но старается не подать виду, – удивлялся про себя Соленый Пес. – Что ни говори – королевская порода...» Ребенок было открыл рот, но из него не вылетело ни звука.

– Не надо, все равно не расскажу, зачем и почему, – сказал Пес и вдруг почувствовал себя усталым и бесконечно старым. – Просто вот так. Оно всегда происходит просто вот так, по своим причинам, так что не пытайся понять...

– Вы убьете меня? – выпалило вдруг королевское дитя и затряслось всем тельцем, стараясь при этом заглянуть пирату прямо в глаза.

– Убью, если попытаешься бежать, – честно ответил Соленый Пес, вышел из каюты и запер дверь на ключ.

Гаэрдос, с зеленым лицом и трясущимися руками от морской болезни, мужественно попытался встать на ноги.

– Как ребенок? – выдавил он из себя.

– Нормально, – осклабился Пес. – Радует своей удивительной судьбе и тому, какие у его отца оказались верные друзья. Хочешь поздороваться?

– Нет... Позже. Надеюсь, протянет до встречи с папашей. Если, конечно, папочка посчитает, что детеныш все же важнее собственных предательских амбиций...

Соленый Пес с любопытством смотрел на Гаэрдоса, к которому начали возвращаться силы и с ними – какая-то неожиданная злоба, смешанная с ужасом от осознания того, что он натворил.

– Гаэрдос, у меня убили единственного сына, – вдруг сказал Пес, – да еще и после того, как моя первая и последняя жена пропала без вести.

– Я помню.

– А ты... неужели только из-за какой-то Гильдии фокусников ты выдумал этот чудовищный план? И если король Римрил действительно превратился в такого сопляка – ты правда думаешь, что жизнь ребенка заставит его свернуть с курса?

Гаэрдос посмотрел на Соленого Пса так, словно видел его впервые в жизни – и видел перед собой не человека, а какую-то дрянь вроде моллюска, лишённого панциря.

– Да ты... Ты трус, Пес, – прошипел он, словно плюнул ядом. – Это мой тебе подарок, самый лучший в твоей жизни. Твой и мой шанс пусть не вернут то, что у нас отняли, но хотя бы

возродить Аллурию. А насчет твоего второго вопроса... О, ты же и сам папаша! Был... А Римрил... Он ничего не любил так, как своих детей. Я видел это. Я знаю. С помощью этого ребенка мы заставим Римрила сделать все, что угодно. Но нам же не нужно все – нам только нужно, чтобы эти звери убрались с нашей родной земли, а предатели получили по заслугам.

«Горбатая Акула» медленно отплывала прочь от берега, команда поднимала якорь, и Соленый Пес впервые в жизни страстно желал, чтобы это происходило как можно медленнее.

– Ты даже не представляешь, сколько сил я потратил на это, – хрипел Гаэрдос. – Я сам не понимаю, как мне это удалось. Я прятал их в мешке, в комнате своей гостиницы... Слава Богам, что я встретил тебя так быстро – их еще не успели хватиться...

– Их? Ты украл обоих детей Римрила? – нахмурился Соленый Пес, медленно подходя ближе.

– Да. Говорю же тебе, это было непросто... – И колдун споткнулся на полуфразе, почувствовав новый рвотный позыв, не имевший никакого отношения к качке. Взгляд корсара испепелял его наживую, но он не мог заставить себя выдать хоть слово.

– Где второй? – едва слышно спросил Соленый Пес.

– Я не уследил... Я ведь прятал их в мешке... Тащил на собственной спине к порту через скалы, а не через город, чтобы ни на кого не наткнуться... Но они разрезали мешок и... – Гаэрдос нервно грыз указательный палец, и рассказ его доносился до Соленого Пса урывками. – ...Схватил, связал, кинулся за... По следам... А следы вели к скалам и у края оборвались... В потемках было плохо видно, а под скалами острые камни, пропасть...

Соленый Пес запустил пальцы в спутанную бороду, закусил губу и застыл, как истукан.

– Ты, кажется, совсем ничего не понял, друг, – проговорил Гаэрдос вдруг прежним своим, сильным голосом. – Я делаю это не ради своей Гильдии и учеников. Ты уже не вернешь ни сына, ни преданных тебе людей. Но если короля оставил разум и все советники, если он готов по камушку распродать чужакам нашу землю, забыв, что он до последней капли крови должен ее защищать – тогда я буду такого короля шантажировать страхом, и водить ножом по шеям всех его близких, если это поможет его образумить! А если и это не подействует, то я перережу им глотки, чтобы такие короли больше никогда не появлялись на белом свете!

Его голос крепчал и усиливался, а под конец своей речи он почти орал, привлекая слишком много внимания со стороны команды, но не мог остановиться.

– Да, это жестоко! Я же не монстр. Мне тоже жалко второго... Да и первого... Но если это единственный выход, то почему не использовать его? Я слаб, я все потерял, но ты-то, у тебя причин на этот шаг еще больше, чем у меня! Так чего ты сомневаешься, топчешься, как девчонка? А, Пес?

Соленый Пес отнял руки от лица и вдруг улыбнулся какой-то безумной улыбкой. В тусклом свете поднимающегося рассветного солнца его чуть выдающиеся зубы показались звериными клыками – он был похож на волка, почуявшего запах добычи после долгого блуждания по холодному лесу.

Корсар подошел вплотную к колдуну и вдруг обхватил старого друга в крепком объятии, от которого у Гаэрдоса едва не треснули кости.

– Спасибо, друг. Дальше я сам, а ты ступай к морскому дьяволу – уж он-то не предаст, –дохнул Соленый Пес ему в ухо, схватил за плечи и мощным рывком выбросил за борт.

Глава 2. Остров Отщепенцев

Остров Отщепенцев, вообще говоря, не был островом в строгом смысле этого слова. Эта огромная скала, поросшая редким лесом, когда-то медленно дрейфовала в Болтливом Море, как огромный корабль, пока новые владельцы не посадили ее на толстую цепь, прибитую к подводному рифу, подальше от берега Аллурии и Галласа.

Но не только цепь была сомнительным подарком новых владельцев плавучей скале. После того, как короля Римрила вынудили покинуть трон в пользу старшей сестры больше десяти лет назад, они прибыли сюда – аристократы, ученые, торговцы, главы расформированных гильдий, служители искусства, мастера всех мастей, бродяги и разбойники. Они основали поселение, которое затем выросло в большой город, не похожий ни на какой другой благодаря главному закону: никто и никогда не должен спрашивать другого о его прошлом.

Здесь люди начинали новую жизнь. Неважно, кем был тот или иной житель в прошлом, как он пришел к тому, что имел и кем был, неважно, каков был его пол, возраст и происхождение – здесь имело значение лишь настоящее. Любую катастрофу из прошлого можно было пережить здесь, в месте, где никому не было до нее дела. Общие усилия были брошены на спокойную жизнь и улучшение города. Старые имена были упразднены. Старые тайны никого не волновали. Хлам ненужных воспоминаний вытеснялся работой и развлечениями. Редкие новости приходили с Больших Земель на торговых кораблях, но мало кого интересовали. Прибудь сам король на Остров Отщепенцев, желая забыть о неудачах и бедах – и ему никто не отказал бы в приюте.

Хёг Стормара и его приемные дети жили здесь уже одиннадцать лет. Раньше его звали Соленым Псом, на Острове его звали Сказочником, и он как никто другой нуждался в отдыхе от самого себя после буйной жизни корсара. Впрочем, если кто-то на Острове об этом и знал, то не подавал виду, как это было принято. Для местных Сказочник был стареющим резидентом,

выращивавшем в своем саду диковинные цветы, овощи и гигантские тыквы – самая большая размерами немного уступала маленькому дому. Нрава он был скрытного и склочного, хотя старался сдерживать проявления Соленого Пса изо всех сил – и все же островитяне лишней раз старались его не трогать, чему он был премного рад.

Его воспитанники не нуждались в новых именах – своих настоящих они никогда не знали. Двенадцать лет назад он купил их на рынке рабов, еще будучи пиратом – двухлетнюю девочку, брошенную родителями, и трехлетнего мальчика с пораженной какой-то болезнью рукой, которая теперь была похожа на обожженную лапу. Страдания и лишения стерли из памяти Тавни и Гроулиса, как их назвал новый отец, все воспоминания раннего детства. Вскоре после этого Соленый Пес был объявлен мертвым после того, как кто-то в доказательство его смерти принес королеве «его» голову, а сам Сказочник прибыл на Остров на Серой Посудине – так называли корабль, привозивший новых резидентов. Свою собственную «Горбатую Акулу» он дорого продал, команду распустил и вместе с этим пытался отправить на морское дно свой воинственный характер, приняв решение тихо стареть в заботе о цветах и детях.

Его решение взять себе воспитанников те, кто знал его за пределами Острова, объясняли тоской по погибшему сыну, приближением старости и чувством вины за какое-то свое предательство в прошлом, которое не давало ему покоя и привело в эту глушь мира. Вдали от всего, что могло напомнить ему о Соленом Псе, он воспитывал детей, неохотно пытаясь вырастить из них нормальных мужчину и женщину. Воспитание не давалось ему просто: первые лет семь он, поддавшись энтузиазму вновь приобретенного отцовства, с каким-то особенным упоением рассказывал истории о приключениях героев древности и мифы своим детям. Летучие корабли, которые совсем еще недавно бороздили небеса наравне с морскими суднами; чудесные существа, которые на Севере чаще, чем в других Мирозданиях, являли миру свое бытие; волшебные камни, подаренные богами людям и, конечно, бездарно растерянные,

духи городов, помнящие все, что происходило в стенах их вотчин, легендарные герои Аллурии и многих других земель, сказки о феях, драконах, гномах и великанах, Горькая Катастрофа и чудесные города на пиках самых высоких горных гряд, куда не ступала стопа смертного... К нему стали приводить и всех остальных детей Острова, а вскоре в тыквенном саду Сказочника собиралась добрая половина города, чтобы послушать старого морского волка.

Иногда Стормара собирал свои урожаи и отправлялся на Большую Землю на Серой Посудине по каким-то своим делам, исчезая на месяц или даже больше. Никто не интересовался, какие ветра заносят его в страну, откуда он так бежал. С каждым своим возвращением он становился все ворчливее и неохотнее рассказывал свои сказки, словно Аллурия чем-то обижала его. Году на восьмом своей жизни на Острове он уже не рассказывал ничего, что могло бы воодушевить Гроулиса и Тавни отправиться на Большую Землю. Он стал опекать их с каким-то особым усердием, как будто пытался загладить вину за то, что столько лет взращивал в них интерес к позабытой стране, где сейчас было так опасно, где сгнули его собственные родственники, где он искал и так и не нашел радости... Когда подростки начинали спорить, он злился или замыкался в себе, занимаясь цветами, рисуя что-то углем в книжке или просто глядя вдаль, крутя в пальцах старое кольцо с голубым камнем. Когда они вели себя смиренно, он дразнил их Аллурией, а затем злился уже на себя и снова, как заведенный, начинал брезгливо морщиться и говорить, что Той Самой Аллурии давно уже нет; что люди испортились, звери разбежались, наука захирела; что все самые прекрасные места теперь заняты толстосумами и охраняются их личными гвардейцами, а культурное и духовное наследие предков если не сожжено, то исковеркано теми, кто пришел с бестолковой тщеславной королевой...

Даже здесь, вдали от прошлого, не было ему покоя – или он его просто не хотел, а переживал какую-то свою бурю на этом плавучем обломке скалы, играя в спятившего, но мирного старика...

Стормара подвязывал кучерявые усики кабачков, мурлыкая себе под нос какую-то старенькую песенку. Его раскосые голубые глаза поблекли, а голова была гладко выбрита, чтобы раз и навсегда забыть о постыдной старческой лысине, хотя по-прежнему густая борода еще не полностью схватилась сединой. Избавление от Соленого Пса не прошло даром – его лицо хоть и постарело, но лишилось озлобленно-тревожного выражения, которым так славился грозный корсар Пес. Вместо Соленого Пса он приобрел настоящего – рыжего легавого Мирча. Мирч был туп и совершенно не поддавался дрессировке, зато не знал себе равных по части доброты и ласковости. Сейчас глупое создание как обычно крутилось под ногами хозяина, не зная чем помочь и как еще выразить свою любовь, заставляя его исторгать тонны проклятий шепотом.

Неподалеку сидел Гроулис с закрытыми глазами и поднятой к небу головой, скрестив ноги. Увешанный с ног до головы талисманами, амулетами, ниточками, перьями, клыками, раскрашенный татуировками, с рассованными по всем карманам кусочками бумаги с заклинаниями-оберегами, он производил странное впечатление. Паренок был бы красив – длинное стройное тело, длинные золотые волосы, – если бы не уродливая рука, спрятанная в перчатку, и сам его диковатый вид. Неясная тоска и переведенные на аллурийский книжки восточных мудрецов самых разных течений вкупе с его оберегами и прочими игрушками – вот, какие спутники сопровождали его чаще, чем сворованная бутылка вина, девушки или даже сестра Тавни. Жизнь Гроулиса была полна неясных тревог и ожидания чуда – все это вместо породило в нем одновременно параноидальные настроения и склонность к волшебному мышлению. Первое смешило Стормару, второе – его сестру Тавни, но оба эти качества в конечном итоге рождали в нем безмятежную лень и пассивность по отношению к, в конечном итоге, пустому и недружелюбному миру. Становиться кем-либо в его планы не входило, хотя он искренне любил своего

отца и прислушивался к его недовольству по поводу своей безнадежности. В итоге принятие решения всегда откладывалось на завтра, которое никогда не наступало.

В небе над домиком Стормары и его сада вдруг закружили в вихре вороны, переругиваясь на лету и кусая друг друга за хвосты. Нахмурившись чему-то, Стормара наблюдал за черным мельтешением над своей головой. Вороны, проводившие в основном время на задворках города, были редкими гостями в его поместье. Мирч истерично разлалялся.

– Птенец – это еще не птица, – сказал вдруг Стормара. – Ты ведь еще не дошел до этого в книжке, которую я тебе дал?

– Неа. – Гроулис открыл глаза и посмотрел на отца. – Почему?

– Он может только поглощать еду посредством грубой манипуляции – крика недовольства. Но потом неминуемо происходит момент отрыва. Выбора между бытием в качестве комка плоти и перьев или... Сбора всех своих сил, всей воли, чтобы подойти к краю гнезда, сделать шаг в великий бездонный океан силы, стать свободным и неуязвимым, почувствовать ветер и солнце совсем близко и понять, что по ту сторону края страха нет.

– В Академии говорили, что если у пары орлов появляется два яйца, один из птенцов убивает другого, а родители за этим наблюдают, – невпопад ответил Гроулис, чтобы уйти от неприятной темы.

– Это никак не противоречит тому, что я только что сказал, – ответил Стормара, немного подумав. – Разве что ты на что-то намекаешь, старший детеныш мой.

– Я просто не понял, к чему ты это сказал. Нам с Тавни скоро нужно будет куда-то уйти?

– Я еще точно не решил, – не стал юлить Стормара. – Жду благоприятного момента. Он может прийти завтра, а может еще через десять лет. Серая Посудина в последнее время ходит к нам редко, раз в пару месяцев – высаживает новеньких и уплывает снова искать, а на торговых кораблях из Аллурии я бы ехать не хотел – торговцы плохо держат язык за зубами, рожают многовато сплетен. А ты хотел бы покинуть Остров?

– Сделаю так, как ты скажешь. Ты, кажется, все уже продумал, – сокрушенно вздохнул сын. – Я ни в чем не могу быть уверен, и такого чутья, как у тебя, у меня нет. Тавни рвется отсюда, я знаю. Но она сама не может объяснить и даже представить себе, что делать дальше. Ей просто хочется войны.

– Войны? Интересное слово... – В последнее время с дочерью было особенно трудно. Она замыкалась, огрызалась, злилась на Гроулиса и на самого Стормара и уже была близка к тому, чтобы преступить самый строгий закон Острова Отщепенцев – начать думать о прошлом. Своем, своей названной семье и той страны, от которой была отрезана, но которая чем-то манила ее, пугливую скрытную девочку с редкостно шатким характером. Кажется, всю сключенность характера Стормара она забрала себе, оставив брату лень и подозрительность. С женой, почему-то подумал он, было всегда так же нелегко...

– Все ждет свое письмо, – продолжал Гроулис. – Это стало ее призраком и безумием. Я не могу уже слушать это нытье. Каждую неделю она бежит на почтовую башню, щупает там всех почтовых птиц, чтобы обнаружить, что ей снова ничего не пришло. Уже целый год прошел с тех пор, как она получила первое, но ей все нейдет.

– Вспомни себя пару лет назад и заткнись. Когда тебе в порту рассказали, что ветра приносят с Срединных земель гибельные энергии и ты целыми днями делал эти жуткие татуировки, – перебил его Сказочник. – Это дело времени. Вы оба не лучшие образцы для подражания. Щенки. Придет время, и мы все пойдем. Добрый человек...

Он осекся на полуслове, заметив вдруг, что ор ворон уже перекрывает его сильный голос. Они продолжали кружить над его садом, эта водоворотящаяся пернатая темная масса; один ворон отбил от общего потока, уселся на король-тыкву, как звал ее Стормара, и уставился желтым глазом прямо на него. Эта птица была огромной, как орел, более худой и угловатой, чем обычные вороны, и ее черные перья в тусклом свете подернутого пеленой солнца отливали фиолетовым.

– ...видит добрые знаки, – закончил на выдохе Стормара, но Гроулис его не услышал.

– Смотри, Серая Посудина, – пробормотал он, указывая кривым когтистым пальцем в сторону горизонта.

К Острову Отщепенцев медленно, как хромой бродяга, подкрадывался корабль с серыми парусами. В тот же миг, распахнув ворота тонкой ногой, в сад вбежала запыхавшаяся Тавни с жадно горящими глазами.

– Новый Отщепенец прибыл! Там все собираются на главной площади, пойдете! Разве не интересно?

– Нет. – Гроулис закрыл глаза и погрузился в сосредоточенное молчание.

Стормара смотрел на ворона, словно пытался разглядеть в нем что-то, что не заметил с первого раза. Ворон широко раскрыл глянцево-черный клюв и каркнул во всю силу своего длинного горла, глядя прямо на старика с перепачканными землей руками в цветастых шароварах, а затем тяжело поднялся в воздух и примкнул к своим. Вороний вихрь медленно перемещался к берегу.

– Да, Тавни, идем. Идем.

Он накинул на широкие плечи плащ и пошел вслед за Тавни.

Пока Стормара и Тавни шли к центру городка, Серая Посудина уже причалила, а на площади уже собралась куча народа, разодетого в пух и прах, чтобы произвести на новенького (кем бы он ни был) должное впечатление. Старый градоправитель Кеслан Дуор – человек необъятной души и не менее широкого живота, славный своей справедливостью и мудростью, – стоял в центре этой толпы, сложив руки на груди и глядя в сторону Главной Дороги, ведущей от порта в самое сердце городка. Дамы и их дочери усыпали дорогу и саму площадь зелеными цветами, символизирующими сердечную открытость новому резиденту.

Здесь же стояла Ива – девушка, прибывшая на Остров пару лет назад и обучавшая Гроулиса бою на мечях (с большим неуспехом), а Тавни – рисованию тушью. Ее внешность, манеры и акцент, превращавший любое «л» в «р», невольно выдавали происхождение, но с расспросами к ней никогда никто не лез. Высокая и бледная, с огромными зелеными глазами и пепельными волосами, прямыми и гладкими, без единого выбившегося волоска, она производила сильное впечатление и отчего-то казалась знающей все на свете.

Безусловно, Ива прибыла из Страны Вечномолодого Солнца – удивительного края в Восточном Мироздании, славного тем, что его жители – карасу – были самыми свирепыми воинами на свете и утверждали, что живут вечно. Возможно, их воображаемое бессмертие (хотя они действительно, кажется, жили дольше простых людей – Яре было около девяноста лет) и толкало их на путь войны и делало совершенно нечувствительными ко страху смерти. Они были совсем не похожи на северян со своей особой красотой и манерами, дисциплиной, молчаливостью и верованиями, в которые никого из чужаков не посвящали. Ива, несмотря на иногда неуклюжую приветливость, была карасу до мозга костей в своей таинственной задумчивости.

– Ты уже что-нибудь знаешь? – выпалила Тавни, едва приблизившись к ней.

– Никто не знает, даже Кеслан Дуор, – промурлыкала Ива, поглаживая Тавни по запутанной гриве черных как вороново крыло волос. – Но сейчас все узнаем, не торопись. Здравствуй, Сказочник. Как поживают тыквы?

– Здравствуй, Ива, – ответил Стормара, кинув рассеянный взгляд на свои перепачканные землей руки. – Ничего от тебя не скрыть.

Тавни показалось, что они обменялись какими-то одним им понятными усмешками.

– Идет! – истошно завопили мальчишки, следившие за развитием событий с крыши пекарни, и пчелиный гул над площадью сразу стих. Как по команде, Отщепенцы приосанились, напустили на лица приветливые выражения и устремили взоры на дорогу. Темный мужской силуэт неспешно, с ленивой кошачьей грацией приближался от порта к площади.

В воцарившейся тишине снова раздался пронзительный хрип ворон. Стормара поднял голову и снова встретился взглядом с большим вороном, сидевшем на фонарном. Впервые за много лет Стормара вдруг ощутил какое-то подобие страха и гадкого предчувствия – оно зашевелилось в его груди, как потревоженная змея, и медленно поползло в его голову, воплощаясь в самые дикие догадки и фантазии.

Наконец гость вышел на площадь, и у Тавни перехватило дыхание, а Стормара замер, как зверь, которого загнали в угол.

Это был молодой мужчина такой необъяснимой красоты, что золотоволосый Гроулис рядом с ним показался бы неотесанным деревенщиной. Красивым в нем были не только темные с рыжим отливом волнистые волосы до плеч или правильные черты лица; не стройная фигура и не спокойные темные глаза, а сама манера нести свое тело медленным, исполненным изящества и расслабленности шагом. Он остановился, поклонился и выпрямился единым ловким движением и молодым сильным голосом возвестил:

– Я почитаю за великое счастье быть принятым вами на Острове Отщепенцев!

Тавни с неудовольствием отметила, что все присутствующие дамы, кроме всегда сдержанной Ивы, испустили вздох обожания.

– А мы почитаем за огромную радость приветствовать тебя здесь, – грудным басом отозвался Кеслан Дуор, чуть поклонившись, насколько позволяло его брюхо. – Меня зовут Кеслан Дуор. Кое-кто называет меня градоправителем, но это формальность – все решения мы принимаем сообща, не обходя никого вниманием. Ты знаешь наш главный закон, раз прибыл сюда – мы не будем спрашивать у тебя о твоём прошлом, но и ты не задавай подобного вопроса никому из Отщепенцев.

– Я знаю и принимаю ваши правила, – ответил новенький, улыбаясь.

– У нас не принято пользоваться родовыми и данными родителями именами, так что тебе придется найти имя.

– Мне нет надобности его искать. На борту Серой Посудины оно само нашло меня – я Гриф. Не спрашивайте, почему, я и сам не знаю, как это слово пришло мне в голову. Но оно смешное и дурацкое, как я.

Ворон с фонарного столба выкрикнул свое хриплое «карр» с отчетливо одобрительной интонацией.

«Гриф! Гриф! Он Гриф!» – перешептывались в толпе, прикрывая рты ладонями и веерами. Гриф смотрел на всех сразу и ни на кого одновременно. Поймать его взгляд было невозможно.

– Я мало что умею, – продолжал Гриф. – Почти вся моя жизнь прошла в книгах, манускриптах и путешествиях. Но я могу учить ваших детей языкам, письму, красноречию и... вере в чудеса. Я могу рассказывать сказки и потешать вас историями о дальних землях – поверьте, несмотря на то, что я молод, я многое повидал. Работы руками я тоже не боюсь, не беспокойтесь, но все же сказки и истории – это то, для чего я был рожден на белый свет.

Тавни оторвала взгляд от Грифа и собиралась было обратиться к Стормаре, но того и след простыл.

– А кроме того, – совсем скромно и почти смущаясь говорил тем временем молодой Отщепенец, – я все же привез кое-что из прошлого. Я слышал, что остров, при всех великих его достоинствах, не может похвалиться обильными урожаями. Поэтому почти все свои личные вещи я продал, прежде чем явиться сюда, и все мое золото отныне – ваше.

– Наше общее, друг мой Гриф, – млея от удовольствия поправил его Кеслан Дуор.

– Пусть так, – улыбнулся тот. – Но это еще не все...

Пока он говорил, смуглые матросы с Серой Посудины тащили к площади несколько плотно набитых мешочков и какие-то саженцы с корнями с закутанными в тряпки корнями. Когда их поднесли к самым ногам Кеслана Дуора, Гриф развязал один и продемонстрировал всем собравшимся горсть прекрасных золотистых зерен на своей ладони.

– Горная пшеница, ячмень, лен, самые редкие сорта. Растения, дающие съедобные, вкусные корни. Табак – редкая штука, но, думаю, знакомая вам. Галласские тыквы, корбенская фасоль, какие-то цветы – я не очень силен в ботанике, но, думаю, среди вас есть садовники?..

Тут публика уже не могла сдерживать себя – присутствующие разразились похвалами, благодарностями, восторгами, охами, ахами и восхищенными переговорами между собой. Гриф, скромно потупившись, краснел и несмело улыбался произведенному им фурору.

– Право же, друзья, – наконец, сказал он, – я не стою ваших похвал. Я теперь один из вас, ничем не лучше, и очень скоро вы ко мне привыкнете, а иные из вас и вовсе утомятся моей болтовней...

– Гриф, вы слишком к себе строги, – засмеялся Кеслан Дуор, жестом попросил всех умолкнуть и обернулся к Отщепенцам. – Что ж! Я думаю, пришло время принять решение – все ли согласны принять Грифа на нашем Острове? Все ли готовы помочь ему отпустить прошлое? Все ли из вас обещают ни единого вопроса задать ему о прошлом?

Толпа взорвалась смехом и всеобщим одобрением. Вопрос был глупый, ритуальный, тем более в отношении Грифа, его даров и обаяния. Ему уже наперебой предлагали жилье, одежду и всевозможные дары, дамы ссорились за право водить к нему на уроки детей, мужчины лезли с вопросами о новостях с Большой Земли. И когда молодой человек уже почти охрип, перекивая всех, чтобы ответить на очередной вопрос, громоподобный голос перекрыл шум:

– Пошел прочь с моего Острова!

Голоса вмиг смолкли, и даже вороны, рассеявшиеся по крышам в тесном соседстве с мальчишками, закрыли свои шумные клювы. Собравшиеся с непониманием расступились перед

Стормарой, как перед страшным незнакомцем, – а тот с вызовом и ненавистью смотрел на Грифа своими льдистыми глазами.

– Прошу прощения? – пролепетал Гриф.

– Я выразился предельно ясно, – прорычал Стормара. – Этого человека нельзя пускать на Остров. Это тот случай, который требует исключения из правил.

– Во имя всех морей и океанов, Сказочник, что ты несешь? Ты нарушаешь наш главный закон! – возмутился Кеслан Дуор, краснея и сотрясаясь, как большое желе в мантии. – Замолчи немед...

– Если ты его здесь оставишь, от Острова камня на камне на дне моря не останется. Он вовсе не такая душка, как тебе кажется. Языки? Цветочки? Сказки? За кого ты меня принимаешь, мальчик, думаешь, я совсем спятил и ничего не помню? – орал Стормара, скаля желтые от табака, кофе и старости клыки. – Да чтоб вы знали, Отщепенцы, что этот человек прибыл из города кьенгаров, и сама Ареата его боится!..

– Больше слышать не желаю! – взревел Кеслан Дуор, становясь между Грифом и Стормарой. – Что ты такое творишь, старик? В своем ли ты уме? Еще слово, и ты, а не он, пойдешь отсюда на все четыре стороны! Клятвопреступник!

«Безумец... Что на него нашло... Преступление против нашего закона... Что Сказочник возомнил о себе?» – Тавни слышала, как шепотки гуляли по рядам людей, как сквозняк. Она никогда не видела отца таким – взъерошенным, злобным, словно скинувшим десяток лет и с ним – человеческий вид. Тавни подбежала к Стормаре и схватила его за руку:

– Пойдем отсюда, пожалуйста.

– Сказочник, ты не в себе, – уже спокойнее сказал Кеслан Дуор. – Иди домой, поковырайся в цветочках и позже с тобой поговорим о твоём поведении.

Стормара развернулся и размашисто пошел прочь с площади под шелест перешептываний и карканье ворон. Тавни посмотрела на Грифа, но снова не поймала его взгляд – он пристыжено смотрел себе под ноги, пока Кеслан Дуор и вся толпа пытались сбить его с мрачных мыслей. Красивый молодой человек, искренне смущенный казусом – и так напугал Стормару, одно имя которого заставляло дрожать от ужаса всех моряков Срединных земель?

– Почему? – только и сумела она спросить у него, когда они уже вышли за пределы городка.

– Потому. Кеслан прав, я перегнул палку, – спокойно ответил Стормара, снова превратившись из Соленого Пса в Сказочника. – Не сдержался... Давно меня так не захлестывало. Но какой же он идиот...

Он вдруг остановился. Тавни вдруг заметила, что все это время по каменистой земле Острова они шли не домой, а вглубь его, отдаляясь от берега и города. Стормара и его дочь стояли перед большой скалой, в которой ветер за долгие годы выточил подобие человеческого лица – ее звали Каменным Мудрецом, и Гроулис часто приходил сюда молчать и созерцать. Стормара, запрокинув голову, уставился в темные глазницы, маленький и хрупкий перед такой громадой, а затем подошел ближе и положил руку на темно-красные камни, слагавшие мудрецу что-то вроде бороды.

– Ну и что же мне делать? – бормотал он, обращаясь к немym камням. – Это и есть знак? Но если так, то я не совсем понимаю, что мне делать теперь. Объясни, покажи, разжуй дураку...

– Ты говоришь со скалой? – спросила Тавни, когда Стормара вернулся к ней.

– Не со скалой – с Островом, – как ни в чем не бывало ответил он. – Вообще-то для этого скала не нужна, но мне нравится Мудрец за его сходство со мной, что ли.

Тавни нахмурилась, едва сдерживая раздражение.

– С Островом?

– Я вроде тысячу раз рассказывал, что любое место, где живут люди, и само становится живым, – не оборачиваясь ответил старик.

– Это же все сказки! – раздраженно ответила Тавни; такие моменты, когда Стормара выкручивался из неудобных ситуаций при помощи безумного поведения, всю жизнь выводили ее из себя. – Сам только и твердишь, что все, что ты говорил – сказки и выдумки.

– Сказки так сказки. – Он вдруг обернулся и устало посмотрел на нее. Его холодные глаза снова стали глазами Сказочника – и он постарел и осунулся. – Только из-за этого мне нельзя поговорить со скалой, когда я опечален и зол?

– Будет ли в моей жизни такой день, когда ты и Гроулис перестанете говорить дурацкими загадками, как будто я младенец и все равно ничего не понимаю?

Стормара пожал плечами и направился домой.

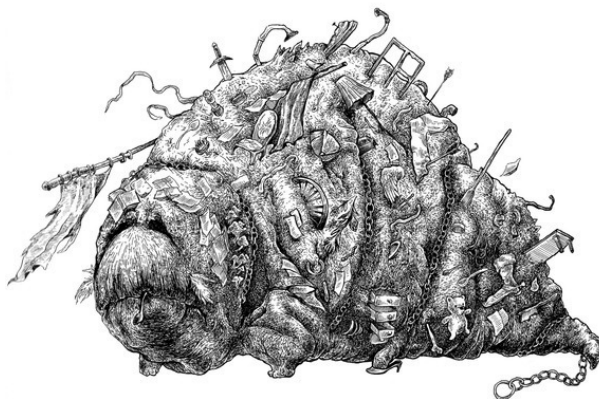
Ночь заунывно и протяжно взывала. В ее крике было что-то от скрежета металла, воя большого зверя и ворчания морской волны – и странный этот крик разрезал тишину, и лунный свет, и сон Отщепенцев, и покой воронов, угмонившихся к ночи. А за ним явилось Нечто.

Оно шло, темно-серое, выбрасывая из бесформенного тела на мошеную дорогу толстые ноги. Не гладкое, не мохнатое, не чешуйчатое, не пернатое, но живое; не отвратительное и не угрожающее, но приближаться к нему было страшно. Ползти ему было тяжело – с холки до кончиков лап оно было увешано каким-то мусором, железом, тряпьем и бог еще знает чем – в свете тусклых фонарей разглядеть было трудно.

Дойдя до рынка, оно обнаружило в себе нос и пасть и стало слепо шарить по пустым, но пахнущим рыбой, мясом и травами прилавкам, и, ничего не найдя, улеглось в самом центре главной площади на цветах и уснуло под своим причудливым грузом. Весь его несчастный вид молил о помощи.

Глава 3. Сладкое перо

Наутро на главной площади яблоку было негде упасть. Даже вчерашнее прибытие нового Отщепенца не вызвало такого переполоха, как возникновение странной живой массы, тихо поскуливавшей о помощи. Даже в свете дня было трудно понять, что это за зверь. Все ученые, мастера и их ученики собрались вокруг диковины, рассматривая, зарисовывая ее и переругиваясь между собой, пока она вела себя смирно. Градоправитель и его приближенные в отдалении встревоженно совещались о том, что можно сделать, чтобы заставить Нечто уйти, откуда пришло. Правда, было совсем неясно, где такое большое и шумное существо могло обитать, так что его по сей день не видела ни одна живая душа; впрочем, Кеслана Дуора это почти не интересовало. Он хмурился, чесал второй подбородок и напряженно думал, что делать, если Нечто так и останется лежать.

– Простите мне мой вопрос на грани дозволенного, милая Ива, – обратился бывший ученый-океановед к Иве, – но не встречали ли вы подобных существ у себя на родине?

– Я бы сразу сказала, – вздохнула Ива. – Бедняга, кем бы оно ни было. Я до сих пор не могу понять, где у него голова, а где нога, но чувствую, что сейчас ему совсем несладко.

– Потому что оно голодное, – предположил мальчишка-подмастерье и, прежде чем кто-либо успел хоть что-то сделать или сказать, кинул в Нечто яблоко.

Неизвестно, как существу удалось предугадать траекторию плода – но в тот же миг в месте, куда должно было стукнуть его яблоко, разверзлась большая беззубая пасть и проглотила подарок мальчика, опешившего от собственной наглости.

Нечто издало удовлетворенное урчание, зашевелилось, перевернулось, и приподняло выступ, который, кажется, был его головой.

– Несите еду, – закричал Кеслан. – Оно голодное. Надо накормить его!

Толпа Отщепенцев пришла в движение, как потревоженный пчелиный улей. Женщины, мужчины, дети бросились на рынок и поволокли к центру площади все съестное, что попадало под руку. Поначалу люди кидали еду на приличном расстоянии прямо в Нечто, чей беззлбный рот существа открывался, поглощал и снова раскрывался в немой просьбе. Затем Отщепенцы осмелели и укладывали подношения в пасть почти заботливо.

Стормара издали наблюдал за этим. План в его голове давно созрел, да и о причинах появления Нечто он, судя по его хитрой кривой ухмылке, догадывался. Но с тем Стормара понимал, что после вчерашней выходки ему вряд ли дадут голос и право действия. С неужи-

данно мстительным удовольствием он наблюдал за пузатой фигурой Кеслана Дуора, пытавшегося хоть как-то взять ситуацию в свои руки.

– Не то, – бормотала Ива Стормаре. – Я не могу объяснить, но чувствую, что дело совсем не в этом.

– Конечно не в этом, – ухмыльнулся он. – Но ни тебя, ни меня никто не услышит, пока этот упрямый боров не поймет, что ошибается. А он не поймет. Кстати, где наш новенький?

– Ему дали комнатку на Масляной улице, – осторожно ответила Ива. – Кеслан Дуор вчера сидел с ним всю ночь, рассказывал об Острове. А сегодня он уже обучает первых учеников...

– И ты думаешь, что после этого я собираюсь что-то подсказывать балбесу? Черта с два, – неожиданно развеселился Сказочник и сам принялся хрустеть зеленым яблоком из своего сада, с любопытством наблюдая за существом.

Спустя несколько часов кормежки странного зверя до людей стало доходить, что желудок у него бездонный, но от яств ему не слишком легчает. Кроме того, растревоженное вниманием, Нечто расшевелилось и забеспокоилось на своем ложе, вытягивая голову и лапы в требовании продолжать улаживать его. Цепи, куски металла и прочий налипший на него хлам при этом чудовищно гремел, отчего вороны и чайки приходили в почти агрессивное исступление. Отщепенцы наконец прикинули цену своим расходам и уже гораздо менее охотно несли угощения, а затем и вовсе перешли на гнилые яблоки и картофелины, что явно не пришлось ему по вкусу.

Неожиданно Нечто встало, выпрямив из своего рыхлого тела четыре толстые ноги, и рванулось к рынку, гремя своим хламом и рыча. Отщепенцы в ужасе разбежались во все стороны, как стая потревоженных рыб в пруду. Терпение нежданного гостя закончилось.

Ученик – сын некогда знатной дамы, выскочил из комнаты Грифа с горой книг под мышкой и сломя голову бросился на улицу, чтобы посмотреть на странное существо. Тавни подняла руку, но так и не постучала в дверь. Уже давно она не позволяла себе настолько дерзких выходов. Если Стормара узнает, что она была здесь... Но любопытство душило ее настолько, что даже появление Нечто не затмило ей впечатление от нового загадочного Отщепенца. И хотя она понимала, что принявший правила Острова резидент вряд ли пустится в рассказы о своем прошлом, ее тянуло взглянуть на него еще раз... Попробовать почувствовать, что так напугало бывшую грозу морей...

Она собралась с духом и робко пробежалась костяшками пальцев по двери, надеясь, что он не услышит ее стука...

– Войдите, – раздался приветливый, чуть осипший голос нового Отщепенца, и Тавни, с ярко-алым румянцем во все свое круглое веснушчатое лицо, протиснулась в узкий проем.

Комнату Грифу дали накануне, но она уже была заставлена книгами, завалена свитками, колбами, подаренной одеждой и прочей ерундой. Сам Гриф, который весь день провел с детьми, выглядел усталым, но довольным. Удивительно домашний в простой рубашке и шароварах, украшенных золотыми уточками, он выглядел не менее грациозно, чем вчера, в день своего триумфального прибытия на Остров.

– А, – бодро сказал он. – Я, кажется, знаю, кто ты. Ты дочь Сказочника, Тавни? Прости, что так бесцеремонно – Кеслан Дуор вчера рассказал мне все про всех.

Тавни отвела глаза.

– Но я тебя запомнил бы и так, без его рассказов, – продолжал Гриф, рассматривая девочку в широком пончо.

– Я... Я хотела спросить, каким языком ты обучаешь, – проговорила она, запинаясь. – У нас мало кто говорит не по-северному, а я...

– А твой отец знает, что ты здесь, у меня? – перебил Гриф. – И как, интересно, он отреагирует на новость, что я тебя чему-то обучаю?

– Он мне не отец, – с неожиданной злостью ответила Тавни. Гриф едва заметно вскинул брови; опешив от собственной резкости, Тавни поспешила змять свои слова: – Он был вчера груб и несправедлив. С ним бывает... Я думаю, как всегда, Кеслан Дуор поговорит с ним и он затем признает, что был неправ. Он...

– Я знаю, кто он, – сказал Гриф. – И в наших жизнях действительно были столкновения, о которых неплохо бы объясниться... Но у судьбы прекрасное чувство юмора: мы встретились на Острове Отщепенцев и больше не сможем поговорить о прошлом. Так что ему придется меня принять...

Гриф хмыкнул, отодвинул стул и кивком головы предложил ей сесть. Неожиданно Тавни заметила в дальнем углу комнаты большую жердь, на которой сидел огромный ворон с длинными шеей и лапами. В сером уличном свете его оперение казалось фиолетовым – в лучшем освещении оно наверняка было еще неестественнее ярче.

– Это твой ворон?

– Ну, во-первых, Урхас не совсем ворон, а во-вторых – правильнее сказать, что это я – его человек, – усмехнулся Гриф. – Он выбирает себе попутчика на какое-то время, а потом, когда надоедает, бросает. Меня бросил уже раз десять в самых щекотливых ситуациях, но все равно зачем-то возвращается. Короче говоря, видал я товарищей и получше.

Урхас возмущенно каркнул что-то со своего насеста. Тавни и Гриф помолчали – почему-то обоим было понятно, что об изучении иностранного языка нет и речи, но он не торопился ее выпроваживать – с любопытством рассматривал ее фигуру, невеселое круглое лицо в веснушках, не похожее на лицо пятнадцатилетней девчушки, и заглядывал в глаза необычного желто-золотистого цвета. Он даже не скрывал, что ему интересно ее рассматривать; вопросы читались в его глазах, странных глазах, которые, казалось, обладают разными характерами: правый, пересеченный едва заметным шрамом, был словно бы ленивее...

– Тебе здесь нравится? – не выдержала молчания Тавни, чтобы он перестал так нагло ее рассматривать.

– О да, – встрепенулся молодой Отщепенец, – хотя я не успел еще осмотреть весь остров, но природа удивительная. Чудесная. Суровая, но очень непростая. Визит ночного гостя только подтверждает это... Я думал, что за годы жизни в Аллурии, где ни единый камень не может долго улежать на месте, уже разучился удивляться.

– Отец не любит рассказывать про Аллурию, – проворчала Тавни. – Когда мы с братом были маленькие, он часто читал и припоминал сказки о ней, но в последнее время мы только и слышим: «глупая королева», «руины», «испорченные ленивые люди» и все в таком духе.

– А где твой брат? – спросил вдруг Гриф. – У него ведь... золотые волосы и голубые глаза, правда?

– Да, – удивленно ответила Тавни. – Он, наверное, валяется в саду как всегда.

– Мне ведь Кеслан Дуор рассказывал все про всех. Хочу быть готов встретиться, если что, с твоим братом – градоправитель сказал, что характер у него не менее склочный... У тебя всегда были такие глаза?

– Что? Ну... Наверное... – Вопросы Грифа и неожиданная смена его поведения совершенно поставили Тавни в тупик, и он, словно считав это, без предисловий метнулся к другой теме:

– Не могу сказать, что Сказочник не прав кое в чем в отношении Аллурии, там действительно многое изменилось. Дело в другом. Он не просто так рассказывает тебе все это. Он считает, что защищает тебя от Аллурии... Беда его лишь в том, что он пытался убежать не от нее, а от себя. Но куда бы ты ни отправился, как бы ни пытался скрыться – ты всегда и везде берешь себя с собой...

С улицы доносился шум цепей и причитания. Гриф умолк, размышляя о чем-то.

– И это единственное, что не нравится мне здесь. Вы пытаетесь убежать от прошлого, но оно всегда с вами. Вы пытаетесь оградить себя от нового, но к чему приходите? К тому, что боитесь правды, как вчера испугался Кеслан, когда Стормара – да, не удивляйся, я еще помню его настоящее имя, – набросился на меня. Этого уже испугала не правда, а прошлое. Вы все топчетесь на месте, погрязая в скуке и развлечениях. От себя не убежать, себя можно только растить, как цветы и тыквы, над которыми носится твой папаша. Ничего не изменится до тех пор, пока ты не вспомнишь, что ты натворила в прошлом, как это исправить и что такое в сущности – ты.

– Но я помню себя всю, кроме детства, – возразила Тавни. – И я ничего не творила такого, чтобы теперь исправлять...

– Я сейчас больше говорил про Стормару, а не про тебя. Да, ты была ребенком, вы оба с братом. Натворили не вы, а с вами. Вы ведь оба ничего не помните, но хотите вспомнить, от чего Стормара вас так трепетно и злобно опекает.

Тавни почувствовала, как внутри разливается холодная пустота. Он читал ее, как открытую книгу – так говорят только о вещах, которые хорошенько изучили, в которых нет сомнения. Он не блефовал, говоря, что знает о Стормаре... Вот, почему убежавший от себя Стормара так заскулил от гнева и страха, как Мирч во время грозы: Гриф что-то – или все? – знал...

– Что же мне делать? Я же не смогу убежать отсюда... Наверное, я просто глупая, но у меня правда нет никаких идей.

– Я тебя ни к чему не подбиваю, милая Тавни, – улыбнулся Гриф. – Я не такой, как думает Стормара. Я целиком и полностью на стороне мира и любви между всеми. Впрочем...

Он сделал едва уловимое движение в сторону Урхаса, и птица пронзительно вскрикнула почти человеческим голосом, а Гриф протянул гостье только что вырванное из его хвоста длинное перо.

– Не знаю, как этот трюк работает, но работает точно. Окуни перо в воду или что угодно еще – и тот, кто ее выпьет, поведет себя совершенно неожиданным образом.

– Это каким же?

– Всегда по-разному, – развеселился Гриф. – Но если говорить примитивно – заставляет вывалить человека все, что у него лежит на душе. И это необязательно будут слова, так что не советую опробовать его на тех, кто может повести себя непредсказуемо, хе-хе...

– Всего лишь окунуть перо? Звучит, как какой-то фокус.

Гриф расхохотался. Такого чистого, заливистого смеха Тавни уже давно ни от кого не слышала.

– Этому вы друг друга и учите на этом Острове, милая Тавни, – ласково сказал он, – верить только тому, что вы можете объяснить. Знаешь, куда стало пропадать волшебство, в котором еще когда я был маленьким, никто не сомневался? Его выгнала наука. И умники, что учили вас с братом в школе. Кеслан Дуор при всем его дружелюбии. И даже Стормара, который просто боится отпустить вас, хотя пора бы... Как только волшебство понимает, что его изучают и пытаются объяснить, оно обижается и спешит скрыться с глаз долой. Не пытайся все объяснить. Просто поверь. В конце концов, ты живешь на плавучем острове, и только богам понятно, почему ему вздумалось плавать.

Нечто разлеглось на пустых прилавках и большим лиловым языком вылизывало все, все пахло едой. Оно уже потеряло терпение и вело себя совершенно нетактично: раздраженно рычало, капризно отмахивалось от яблок и картофелин и огрызалось на тех, кто набирался безрассудной смелости подойти слишком близко. Его тщательно зарисовали, изучили со всех сторон и даже рассмотрели броню из хлама и целей, в которую оно было одето, но до сих пор даже у самых светлых умов не возникало и малейшего предположения, кем этот странный гость мог быть.

Стормара провел около него весь день, глядя, как существо раздражается все сильнее и в своем безумии раскидывает прилавки и тенты под охи и ахи торговцев. Неподалеку за всем этим зорко следили стражи Кеслана, готовые в любой момент начать укрощать Нечто грубой силой.

– Пойдем домой, – уговаривал его Гроулис, выползший из своей просветленной полудремы в саду. – Что тут можно сделать?

– Я знаю, что можно сделать, – ответил Стормара. – Не мешай мне. Желающих и так достаточно.

Тавни, удивительно тихая и задумчивая, сидела неподалеку на разбитом лапой существа ящике и вертела в руках какое-то перо. К Стормаре и его воспитанникам неожиданно притащился Кеслан Дуор с горящим факелом в руке.

– Сказочник, послушай своего мудрого сына и отвлекись ненадолго, – сказал он. – Я вижу по твоим глазам, ты что-то задумал. Но прежде, чем ты кинешься исполнять очередной свой дурацкий план, нам нужно обсудить то, что мы должны были обсудить вчера. По поводу твоей выходки с Грифом и всего сопутствующего.

Стормара издал приглушенное шакалье хихиканье:

– Господин Градоправитель! У тебя на рынке валяется неизвестный науке зверь, готовый разнести весь город в щепки, потому что не может донести до глупых людишек, что ему нужно. Я, кажется, додумался, а ты болтаешь о каком-то обсуждении...

– Боги всемогущие, ты невыносим! – простонал Кеслан. – Я больше не доверяю тебе. И дело не в тебе самом, хотя ты тот еще клещ – я бы так думал обо всех, кто повел бы себя подобным образом. Ты правда думаешь, что после всего этого я доверю тебе такое дело?

– Если мы поговорим, как ты хочешь, ты разрешишь мне это сделать?

– Если мы поговорим, делай что хочешь в рамках наших правил и законов. Я жду тебя у себя. Кстати, – он обвел пристальным взглядом Тавни и Гроулиса, – хочу, чтобы твои воспитанники тоже присутствовали. Бог знает, что ты им там рассказываешь и чему учишь в своем огороде, Сказочник.

Гроулис уже открыл рот, чтобы вспылить, но Тавни успела ловко его перебить:

– Вы правы, господин Дуор. Вы не будете против, если я пойду с вами сейчас же? Я сижу тут весь вечер, очень оголодала и замерзла.

– В вашей семейке есть один здравомыслящий человек. Поздравляю, – кисло отозвался Кеслан и поплелся к своему дому, а Тавни припустила следом.

– Давай-ка с ними. – Стормара легонько толкнул Гроулиса в спину. – Ты мне тут пока не нужен. Я скоро приду.

Он остался один, в окружении тихих как големы стражей, глядя, как Нечто пытается целиком проглотить кем-то оставленный бочонок с сельдью. Когда три силуэта растворились в дверном проеме дома градоправителя, Стормара подошел к Нечто, схватился за висевшую из недр мусора ржавую цепь и с силой рванул на себя.

Глава 4. Нечто

– Очень вкусное жаркое! – любезно прошебетала Тавни.

– Я не ем мяса, в нем энергии смерти и страдания, – проворчал Гроулис.

– Отогрелись? Ох, я вашему отцу, ей-богу, страшно удивляюсь. – В домашней обстановке Кеслан, закутанный в мохнатый большой халат и окруженный внуками и пушистыми тупорылыми котами, выглядел почти трогательно. – Стоять в такой холод, как истукан, глядя в одну точку...

Градоправитель был по натуре мягок и добр – и то, как он возился со своими толстыми тройняшками, только подтверждало это. Он заставлял себя сердиться и показывать властность, чтобы держать Остров в узде закона, поскольку именно он был одним из тех, кто их выдумал и сделал фундаментом города. Но время не щадило Кеслана, как и всех. Воспитывая любимых внуков, он много раз до крови прикусывал язык, пускавшийся в рассказывание историй о славном прошлом, когда Кеслан, тогда под другим именем, стройный и быстрый, охотился за Белым Оленем в дремучих лесах Цваара со своими братьями, воровал сокровища у толстосумов и нес невыносимую чушь о единстве и братстве. Кеслан Дуор мягчел, нежно тосковал и чувствовал, что с каждым днем ему все труднее дается управление городом – но в то же время поиск преемника он откладывал на завтра, которое никогда не наступало, слишком привязанный к своей важности.

Один из внуков влез деду на спину и теперь тягал его за подкрученные усы.

– Их очень взволновали события, – оправдывался он перед Гроулисом и Тавни.

Второй внук вдруг уселся на пол и в голос заорал. Третий под столом старательно пережевывал Гроулису шнурки на ботинках.

– По-моему, они просто устали, – ласково сказала Тавни. – А если сейчас придет Сказочник, и вовсе никогда в жизни не уснут.

– Твоя правда, юная леди, – согласился Кеслан. Сговорчивость и рассудительность Тавни на фоне сварливости Гроулиса пленяли его старое сентиментальное сердце. – Пожалуй, я отнесу их к дочери и быстренько к вам вернусь.

Он сгреб детей в охапку и, пыхтя, понес их в детскую. Выждав, пока шаги и переругивания затихнут на лестнице, Тавни схватила кувшин с соком и опустила в него воронье перо.

– Ты что творишь? – зашипел Гроулис, схватился за защитные обереги у себя на шее и забормотал какую-то защитную мантру.

– Для вкуса.

– Тавни, ты в своем уме? Ты решила отравить Кеслана, здесь, прямо в его доме?

Вместо ответа она сделала большой глоток и с вызовом посмотрела на Гроулиса, засовывая мокрое перо в маленькую сумочку у себя на поясе. Никаких новых ощущений она не испытала – лишь решимость, неожиданный прилив решимости узнать наконец правду, которую от нее так старательно прикрывали.

– Что бы там ни было, я тебе не позволю... – Он потянулся было за кувшином уродливой неуклюжей лапой.

В тот же миг Кеслан вернулся в гостиную и сразу же попросил у Тавни кувшин с соком.

– Утомили старика, – сказал он, утирая сок с усов. Гроулис остекленело смотрел на него, ожидая, когда градоправитель рухнет замертво или позеленеет – но тот, кажется, чувствовал себя превосходно. – Да где же Сказочник? Час уже поздний...

– Господин Градоправитель, – перебила его Тавни, чувствуя какой-то удивительный прилив уверенности и нахальства, – скажите, все же, что случилось в тот день, когда прибыл Гриф?

Кеслан Дуор пристально, но без подозрения или злости посмотрел на нее. Мысль танцевала у него на языке, но он не решался высказать все, что накипело у него на душе.

– Послушай, Тавни. Я слишком давно здесь слежу за тем, чтобы мои подопечные не болтали лишней чепухи. Твой отец зашел за все рамки приличий, оскорбив нашего нового гостя, себя и всех нас... – Он помолчал, обдумывая что-то, а затем вспылал, словно не выдержал: – А вообще, какой он тебе к черту отец? Знаете, зачем я вас сюда позвал вместе с ним? Вы молодые люди, у которых вся жизнь впереди. А этот отец, как вы его называете, уже однажды крупно напортачил, но жизнь его ничему не научила.

Гроулис под столом больно наступил Тавни на ногу, но ее было уже не остановить.

– Мы ничего этого не знаем.

– Да кто б вам рассказал! Знаете, как это было? – Кеслан разволновался и вспотел. Речь его стала быстрой и сбивчивой, но он уже не мог остановиться. – Он прибыл на остров с вами вскоре после того, как Римрила свергла его сестра Ареата, мрачнее тучи. Он тогда был как побитый пес – потерял все, что у него было. Единственного сына, команду и всех приспешников убили – он был уверен, что это было сделано по приказу короля, которого он безумно уважал и любил, служил ему верой и правдой... Он сделал роковую ошибку. Однажды, еще до вас, он встретил своего старого сообщника, и вместе они придумали план мести: украсть детей Римрила, чтобы заставить его сознаться в своем предательстве и начать все исправлять. Сообщник украл детей, но во время всего этого один ребенок погиб, пока он тащил его к Стормару. Стормара от этой новости пришел в ярость и вышвырнул своего друга за борт. Затем он велел своей команде сбросить с корабля сундук, в котором ему принесли второго наследника. С наследником внутри, собственно.

– Зачем?! – ужаснулся Гроулис.

– Наверное, до него дошло, что с ним сделают, если узнают, что он наделал. Или что все равно ему не удастся подобраться к королю. Или он просто испугался, но был в таком бешенстве и расстройстве разума, что ничего умнее не придумал.

Кеслан внимательно смотрел то на Тавни, то на Гроулиса, а те не могли выдать из себя и слова.

– Знаете, тогда все были уверены, что король по собственной глупости якшается с чужаками-Срединными, и много кто тоже строил планы мести, но так далеко еще никто не заходил.

Позже Стормаре рассказали, что все время за этим стояла сестра короля, которую Срединные обещали сделать владелицей всего Севера. Римрил же в это время собирал сопротивление, чтобы одним мощным ударом прогнать чужаков со своей земли, но когда украли его детей, он впал в смертельную тоску, пал духом и проиграл в своей войне. Его объявили помешанным, бросили в темницу, как умалишенного, и на трон села Ареата. А Стормара продал корабль, купил вас, раздал нам все свои награбленные сокровища и ушел в глубь острова воспитывать вас и свои сады и никогда больше не вспоминать о том, как он развалил Аллурию.

Градоправитель снова сделал несколько щедрых глотков из кувшина.

– А зачем он...

– Я сначала думал, что история эта – полная чушь, но ведь наследники правда исчезли, их искали по всей стране, но так и не нашли. – Кеслан так распалился, что перебить его было уже невозможно. – Потом я начал думать, что вы и есть наследники. Но те были двойняшками, а у вас разница в возрасте. Те были голубоглазые блондины, а ты черноволосая. Да и непонятно, как вышло, что принц Блоддуэд полуоборотень, извини конечно...

– Это другое. Я не оборотень, – возмутился Гроулис, убрав лапу со стола.

– Главное, что ты не принц, – поморщился Кеслан. – Вашего воспитателя просто загрызла совесть за свое глупое злодейство. И он вел себя очень хорошо до этого дня...

– Почему он так взъелся на Грифа?

– Потому что Гриф знает эту историю, а Стормара жутко боится, что все это станет известно кому-то кроме меня! Гриф очень талантливый молодой человек, он рассказал мне при личной встрече, что до него доходили разные вести о Соленом Псе. Здесь-то эту легендарную личность уже давно забыли, да и он уже совсем не похож на себя прежнего, со своими-то цветочками и овощами. И тут уже должен спрашивать я: что еще такого натворил в своем прошлом Стормара, и какими еще сказками меня накормил, что теперь так боится любых людей с большой земли, к которым непонятно зачем плавал столько лет?

– Я не верю вам, – заявил Гроулис, решительно вставая со своего кресла. – У вас нет никаких доказательств.

– Юноша, я бы сам не поверил, но...

– Чтобы он обрекал на смерть невинного ребенка? Черта с два, господин Градоправитель! Эта история может быть о ком угодно, но не о моем отце. Он никогда не поступил бы так. И рассказал бы нам, если бы такое прошлое имело место быть.

– Согласен, сейчас он уже совсем другой человек! – быстро оправдывался Кеслан, чье лицо на глазах наливалось кровью от волнения. – Это-то меня и испугало, когда он набросился на Грифа: я подумал, не превратился ли Сказочник снова в Соленого Пса? Не начнет ли он снова безумствовать, как раньше?

– Нет никакого раньше, – сказал Гроулис, – все, что имеет значение – это настоящий момент, это здесь и сейчас, а не легенда, рассказанная кому-то когда-то двенадцать лет назад. Вы сами этому учили.

Кажется, только с этой последней фразой до Кеслана вдруг дошло понимание, что последние полчаса он чуть ли не во весь свой мощный голос вещал о чужом прошлом, переступив через несколько собственных законов. От стыда он раскрыл рот, как удивленный ребенок, и застыл, таращась на разгневанного Гроулиса и притихшую Тавни.

– Я верю человеку, который спас мне жизнь, хотя не обязан был этого делать. – Гроулис тщательно и внятно ковал каждое свое слово. – И мне плевать на все остальное. Спасибо за ужин. Тавни, идем.

Она бросила на градоправителя последний извиняющийся взгляд, но тот смотрел в стену невидящими глазами, словно перед ним только что развернулось самое пугающее зрелище в жизни. Гроулис схватил сестру за руку и выволок на улицу.

– Что ты наделала? – заорал он на нее и отпихнул так, что она ударилась спиной о стену дома градоправителя.

Амулеты, обереги и талисманы бешено раскачивались на его шее, запястьях и в волосах. Его глаза горели в темноте, и весь он выглядел дико – даже страшнее, чем Стормара в день прибытия Грифа.

– Это ты заставила его все это рассказать! Точнее, придумать, потому что это неправда. Это перо, где ты взяла его, кто тебе его дал? Ты забыла, что всю жизнь Стормара учил нас ни на шаг не приближаться ко всему этому мракобесию и ведьмовству?

– Отпусти меня, мне больно! – рука Тавни под железными пальцами Гроулиса начинала неметь.

– Я предупреждал тебя тысячу раз! С этим твоим письмом! С этим твоим нытьем, твоими глупыми картинками, а теперь...

– Гроулис, отпусти ее сейчас же.

К Гроулису и Тавни незаметно подошел Гриф. Сейчас на его лице не было ни следа былой смешливости – он сжимал в руках длинную палку и было ясно, что не будет колебаться, пустить ли ее в ход. Гроулиса, впрочем, это не смутило: он отпустил бледную сестру и решительно развернулся к Грифу с тем же диким огнем в глазах.

– Можешь сколько угодно подкупать Отщепенцев любыми сокровищами, – медленно сказал он, – но я все равно чувую, что за тобой стоит какая-то темнота.

Взгляд Грифа стал холоден и насмешлив – он словно вырос, почти сравнившись с высоким Гроулисом:

– Посмотри на себя, папенькин сыночек. Сам-то чувствуешь, как тебе промыли голову сказками и страхами? Темнота, говоришь? А лапка твоя как там, не болит?

Гроулис собирался было ответить, но тут дикий крик перебил его на полувывдохе. Все трое бросились к главной площади, откуда доносилось безумие криков, скрежет, рычание Зверя и причитания Отщепенцев, выбегавших из домов в халатах, пижамах и ночных сорочках. Впрочем, большинство из них в ужасе от увиденного сразу бросались обратно, а остальные пытались удержать детей подальше от открывшейся сцены. Вороны во главе с огромным Урхасом вились над площадью, истошно крича на разные свои вороньи лады.

В центре площади Нечто, воя и содрогаясь, натужно ползло в сторону порта. Оно выглядело уже совсем иначе, нежели раньше: с него содрали верхний слой хлама, а остальной мусор расшатывался и отпадал со спины и боков сам с собой. Чего только не было в той куче, становившейся все больше по мере движения Зверя: битое стекло, куски металла, ошметки мебели, вилки, ножи, ложки, ботинки, листы пергамента, рыбы кости и другие, совершенно невообразимые предметы. На проплешинах, образовывавшихся на теле Нечто, начала просматриваться бурая, вязкая кожа...

Тавни вдруг поняла, что Нечто ползет не по собственной воле – оно из последних сил тянуло за собой цепи, один конец которых терялся где-то в его туше, а другой находился в руках Стормары, Ивы и нескольких стражей-отщепенцев. Звено за звеном они вытягивали из несчастного существа цепи, из последних сил упираясь ногами в землю. Ива уже готова была сдать, руки Стормары были содраны в кровь. Гроулис бросился к Иве и, отпихнув ее, схватился за цепь сам рукой и лапой.

– Неужели, – услышала она за свой спиной выдох Грифа.

– Стормара! – раздался испуганный басовитый взвизг: Кеслан, в домашних тапочках и с тупорылым котом, повисшим у него на локте, тяжело выбежал на площадь. – Я убью тебя, обещаю!

Стормара лишь улыбнулся, перехватил поудобнее цепь и, под истеричные вопли ворон, гул Нечто и причитания Отщепенцев, зычно крикнул что-то Гроулису и стражам. На раз-два-три они в семь пар рук, нечеловечески мощно рванули на себя цепь.

Легкий хлопок, похожий на тот, что издает избавленная от пробки бутылка, раздался над Плавучей Скалой, возмев удивительное действие. Вороны, люди, ветер, Нечто, бряцанье цепей, даже, кажется, волны – все стихло в единый миг. Стормара, Гроулис и помогавшие им стражи, потеряв опору, завалились на спины, а цепи бессильно рухнули на мостовую. Они были скреплены с огромным якорем, который все это время покоился в теле несчастного Зверя; помимо якоря, на них налип тот же мусор, но уже страшнее и больше, чем тот, что покрывал Нечто плотным панцирем. Оружие, сгнившие остовы каких-то машин и механизмов, невиданные деревянные рамы, лохмотья, когда-то бывшие роскошными платьями, золотые канделябры... Все это, покрытое липкой субстанцией, теперь страшно топорщилось в тусклом свете фонарей в самом центре площади, а Нечто, растрепанное, сдувалось на глазах, как оболочка без наполнения.

Внезапно плавучая скала сотряслась, вороны вновь зашлись в буйстве, люди вскричали в панике, хватаясь друг за друга, чтобы удержать равновесие. Раздался еще один хлопок, такой громкий, что многие Отщепенцы схватились за уши; вслед за этим Скала снова дрогнула. Гриф ловко подхватил Тавни под локоть, беспокойно оглядываясь, а та запрокинула голову к небу и ахнула. Луна плыла. Само небо плыло, а поднявшийся резкий ветер едва не прибивал ворон к земле своей неожиданной яростью.

– Цепь острова разорвана... – прошептал Гриф.

– Кеслан! – весело крикнул Стормара градоправителю. Тот лишь медленно перевел на него невидящие, ошарашенные глаза. – Тебя и твой город посетил сам Дух этого Острова, болван!..

В тот же миг Нечто зашевелилось. Его влажная жирная кожа ссохлась и пошла трещинами, словно пролежала на солнце много дней, а затем, с новым дуновением ветра, начала рассыпаться с мягким шелестом, и сквозь трещины площадь озарило яркое теплое пламя, бившее откуда-то из сердцевины сброшенной шкуры. Отщепенцы закрыли глаза руками; Тавни сощурилась и сквозь почти сомкнутые веки видела, как последние ошметки Существа осыпаются наземь, обнажая все крепчающее свечение. Гриф обхватил ее за плечи и оттянул к себе, назад, а свечение, сбросив последние куски своего панциря, теперь приближалось к Стормаре.

Все, что она могла разглядеть – очертания светящегося белого шара, от которого малопомалу начали отделяться несколько лучей. С тем, как эти странные отростки приобретали очертания, свечение тускнело, хотя все же продолжало нещадно бить по глазам. Светлое облако вытянуло шею, пару ног, длинный светящийся хвост, похожий на павлиний, и, наконец, четыре остроконечных, нежно подрагивающих крыла. Свет, или Дух, или Нечто – двигалось к старому пирату, для виду поводя иногда крыльями по воздуху, звенящему от тишины и изумления присутствующих. И лишь Стормара, единственный, чьи глаза безболезненно могли любоваться тем, кого он пожалел и освободил, не отпрянул и не выглядел испуганным. С самой спокойной улыбкой на разглаженном, красивом лице он вытянул руку к Духу, а тот медленно тянулся вытянутой головой к его руке в безмолвном приветствии.

Рука коснулась света, и Дух запрокинул голову и издал не крик и не вой, а чистейшую ноту, а после, не переставая петь, взмахнул всеми четырьмя своими крыльями и хвостом и взвился в воздух, как одинокая восьмиконечная звезда. Его свет еще долго покрывал площадь, перебивая тусклое свечение фонарей города, пока Дух не растворился в ночной темноте, унося за собой трепет той высокой сильной ноты.

И когда последний дрожащий отголосок его песни отзвучал в заряженном воздухе, повисло молчание. Тавни собственное дыхание казалось невыносимо, неприлично громким. Постепенно оцепенение спадало с Отщепенцев; самые храбрые и любопытные стали тихо подбираться к тому, что осталось от Нечто. Кеслан взмахивал руками и открывал рот, как рыба, словно не мог подобрать слов.

И Стормара вдруг засмеялся. Это был не тихий сдержанный смех, которым иногда вежливо хихикал Сказочник, и не хриплый лай, которым в былые времена заходился Соленый Пес, – а смех настоящего Стормары, молодого, голубоглазого и казавшегося выше, чем он на самом деле был, Стормары, которого Тавни и Гроулис видели очень редко, пару раз в своей жизни, Стормары до безумств, падений и вины.

Гриф фыркнул, резко развернулся на каблуках и понесся к своему дому, расталкивая толпу.

Глава 5. Новые и старые письма

Кеслан Дуор, с головой, обвязанной вымоченным в травяном настое полотенцем, сидел в Зале Совещений со своими приближенными: Мастером Торговли, Мастером Знаний, Начальником Стражи, Начальником Порта и некоторыми другими уважаемыми горожанами. Среди них была и Ива, молчаливая и настороженная в это ослепительное солнечное утро. Отсутствовал только Сказочник – на сегодняшний совет его не позвали. Плавающая Скала по-прежнему дрейфовала в Болтливом море в сторону перешейка между Аллурией и Галласом, северными странами-близнецами, повинувшись мощному течению.

– Мы приютили этого головореза, рискуя всем, господин Градоправитель, – вещал Мастер Торговли. – Когда он притащился сюда впервые, за ним охотилась Ареата. Затем он ее одурачил, и мы согласились его защитить с его щенками. Дали ему землю и дом, даже ввели в Совет...

– Без его помощи мы бы ни за что не отстроили Город, – возразил Мастер Знаний. – У нас тогда не было ни средств, ни людей.

– Ну, надо ж чем-то заглаживать вину за все содеянное. И он давно бы ее загладил, и мы забыли бы обо всем, как забывали в случае каждого из нас, если бы он не продолжил делать глупости... Он посеял хаос среди нас, нарушив закон, и мы ему это простили. В очередной раз! А теперь, когда Остров еще и порвал цепи и отправился в плавание, к чему он снова приложил свои грязные лапы, я вообще не представляю, как нас будут находить торговцы и прочие! Я боюсь сесть и примерно подсчитать наши грядущие убытки, потому что у меня разорвется сердце!

– У нас нет никаких оснований что-либо делать с ним, господин Мастер Торговли, – устало сказал Кеслан, растирая виски пальцами. – То, что случилось ночью, случилось не по его вине... Черт знает, что стало бы, если бы не он...

– Верно. Но, полагаю, господин Мастер Торговли разумел, что вокруг этого человека постоянно скапливаются беды, – мрачно сказал Начальник Порта – некогда старший помощник Стормары на «Горбатой Акуле».

– И так было всегда, господа, – громко и многозначительно не унимался Мастер Торговли. – Эта мутная история про наследников короля... Вы представляете, что станет с нашим Островом, если он таки приблизится к Аллурии, и кто-то узнает, что у нас тут спокойно вырастивает тыквы убийца племянников королевы?

– Сколько раз за сегодня вы пресекли закон, господин Мастер Торговли? – спросила вдруг Ива, до сей минуты хранившая молчание. Одиннадцать пар глаз уставились на нее. – Я полагала, речь пойдет о том, что делать с Островом, но никак не о том, как наказывать кого-то из нас за древние грехи.

– Я тоже хотел бы напомнить, раз уж вы об этом заговорили, – проскрипел Кеслан Дуор сквозь чудовищную головную боль, – что ни один из присутствующих в этом зале не может похвастаться блестящей репутацией до прибытия на Остров. Я не прав?

Присутствующие потупились.

– Поэтому я не желаю больше слушать этот галдеж. Пользуясь своим титулом Градоправителя, который вы сами отдали мне двенадцать лет назад, не сомневаясь в своем решении, я требую прекратить это глупое обсуждение. Господин Мастер Знаний, я ожидаю, что вы с учениками сможете расписать путь Острова...

– Да, господин Градоправитель.

– На сегодня Совещение окончено.

Кеслан сполз со своего высокого кресла и, придерживая обеими руками гудящую голову, вышел из зала. Неожиданно Ива, глубоко вздохнув и собравшись с мыслями, встала, закрыла дверь и окинула взглядом остальных членов Совета, не тронувшихся с места.

– Вы все знаете, что Кеслан всегда симпатизировал Сказочнику, – сказала она так тихо и серьезно, что даже ее картавость уже не казалась забавной. – Он стар и мягок, переживания последних дней подкосили его здоровье, и он совсем не понимает, в какой опасности находится.

– Вы же только что шипели на меня за подобные мысли! – вскинул брови Мастер Торговли.

– Только чтобы отвести подозрения. На самом деле мне кажется, что вы все думаете о том же, о чем я, не правда ли?

– Он опасен!

– Он безумен!

– В подвалах его дома хранятся несметные богатства, оставшиеся от Соленого Пса.

– Он отцепил Остров, набросился на новенького, занимается колдовством. Видели его сына?

– Ему не место среди нас.

– Он не даст себя прогнать просто так, – уверенно сказал Начальник Порта. – Вы не видели Соленого Пса и не знаете его. А я знаю и я уверен, что в Сказочнике от Соленого Пса осталось больше, чем вы думаете. Он умеет быть жестоким и мстительным. И тогда нам несдобровать...

– Что же тогда?

Совет затих – никто не решался высказать прямо, что было у них на уме. К тому же, многие симпатизировали Сказочнику, чье пустое кресло притягивало к себе стыдливые взгляды, словно он по-прежнему сидел в нем.

– Подумайте об этом, – вздохнул Мастер Знаний. – Мне бы не хотелось кровопролития.

– Кто знает. В крайнем случае придется прибегнуть к нему. Я боюсь этого человека. Я боюсь за своих детей, с которыми учатся его воспитанники. Я не уверен, что мы справимся с последствиями его глупости – и не уверен, что эта глупость его когда-нибудь покинет, – скорбно молвил Мастер Торговли, и остальные понимающе закивали в тон ему.

– Прости меня здесь и сейчас, дорогой друг, – пробормотала Ива, выходя из зала последней и тоскливо глядя на пустое кресло. – Ты поймешь позже...

Стормара притащил три большие тыквы в центр своего сада, который за те дни, пока хозяин не приводил его в порядок, разросся буйным цветом. Вообще, с тех пор, как Плавучая Скала сорвалась с цепи и отправилась в плаванье, ее флора и фауна словно тоже очнулись после долгого сна. Некогда серый с проплешинами остров вдруг раскрасился зеленым; его жухлая трава превратилась в изумрудные ковры, в которых утопали стопы ходящих, и привезенные Грифом саженцы и цветы, поначалу чувствовавшие себя на новом месте неуютно, теперь жадно тянулись к Солнцу.

Он не говорил с ними три дня, не выходил в город, хранивший мрачное молчание, а только прятался где-то в лесах и у Мудреца с Мирчем. При этом, появляясь дома, Стормара выглядел бодрым и помолодевшим. К детям он не подходил, зато одаривал необычайным вниманием свои цветы и тыквы, в которых путешествие Острова вдохнуло новую жизнь. Наконец, пришло время поговорить по душам.

А на тех двух молодых душах лежали смутные чувства. Гроулис, казалось, выбросил из головы ужин в доме Кеслана Дуора, зато освобождение Духа, это живое чудо, мерещилось ему во снах и наяву, как навязчивый, но прекрасный фантом. С Тавни дела обстояли наоборот. Много раз она сбегала в город встретить Грифа, но он словно избегал ее, постоянно занимаясь

с учениками и даже не давая ей войти в свою комнату. Кеслан Дуор при встрече с ней краснел и замыкался, Ива словно сквозь землю провалилась – как будто весь мир решил заточить ее в цитадель приоткрывшейся страшной тайны того, кого она двенадцать лет называла своим отцом.

– Присаживайтесь, – пригласил он Гроулиса и Тавни, указывая на тыквы рукой, тоном, не допускавшим возражений.

Воспитанники сели – тихая, растерянная Тавни и Гроулис, вдохновленный и немного напуганный чудом, виденным им три ночи назад.

– Как дела? – просто спросил Стормара, словно ничего особенного не произошло.

– У меня нет слов. Я думал, что сошел с ума, – чуть ли не с гордостью сказал Гроулис.

– Ты говорил, что все это выдумки и сказки, – дрожаще ответила Тавни.

Стормара уставился на нее.

– Что, опять?

– Ты нам рассказывал много сказок, когда мы были маленькие. Да и когда выросли, никогда не упускал случая. И не только нам. Но в конце сказки, какой бы прекрасной она не была, ты всегда говорил, что это все чушь, а если не чушь, то очень хорошо приукрашенная история. Говорил, что подобное навсегда покинуло наш мир. Зачем?

– Так, все ясно, – вздохнул Стормара. – Там, где Гроулис чувствует себя особенным и все познавшим, Тавни начинает искать подвох, копаясь в прошлом. Какие же вы у меня идиоты оба... Но это я виноват, да. Все, что я делал, было лишь ради вас. Вы не поняли бы меня раньше, но этой ночью судьба сама распорядилась, чтобы вы это увидели. Не исключено, что в первый и последний раз, кстати.

– А если судьба решит, что нам хватит и этого, мы так и будем сидеть на этом острове, пока не состаримся в тыквенном саду, как ты?

– Вы не будете сидеть на этом острове, – усмехнулся старик. – Как вы уже поняли, Дух Плавучей Скалы оборвал цепь. Мы дрейфуем к перешейку между Аллурией и Галласом, и сойти нам нужно будет в Аллурии.

– Сойти? То есть, мы покинем Плавучую Скалу? – удивился Гроулис.

– Да. Я освободил ее, а теперь она несет меня туда, где я должен быть. Мы должны найти людей, которые все еще преданы стране, которую я знал. А затем бороться вместе с ними.

– Бороться? С кем? Война давно закончилась. Да ее и не было – восстание продлилось всего несколько дней и закончилось разгромом короля. Ты сам это говорил. Так с кем тебе вдруг захотелось повоевать? – голос Тавни дрожал, словно она готова была позорно расплакаться. Какая-то струнка внутри нее оборвалась: глядя на отца, она теперь видела сундук на морском дне с наследником внутри, вспоминала звериное, искаженное лицо Стормары на площади, когда он увидел Грифа – и его наглое спокойствие сейчас доставляло ей почти физическую боль. – Или старые тайны вдруг дают о себе знать? С ними ты решил бороться?

– Ах, вот как, – без удивления и злости отозвался Стормара. – И кто же изволил, преступив закон, наконец рассказал тебе эту... хм... историю?

– Эту чушь, – решительно встрял Гроулис. – Никто. Какой-то дурак на улице, пьяница из порта.

Тавни ощутила на щеках горячие, горькие слезы и отвернулась.

Стормара подставил лицо свежему ветру, который все крепчал с тем, как Плавучая Скала приближалась к Аллурии и Галласу. Солнце весело отражалось от его гладко выбритой макушки. Старик протянул Тавни связку писем, по-прежнему не глядя на нее:

– Отнеси это на почту и разошли их все – ровно восемь штук, если на то будет достаточно птиц. Это важно, девочка моя. Иди прямо сейчас, а позже я тебе все объясню.

Тавни выхватила письма из его руки и бросилась к Городу, жуя дрожащие от обиды губы.

– А это тебе. – Стормара дал Гроулису плотно зашитую кожаную сумку, в которой были, по всей видимости, какие-то мелкие предметы и пара небольших книг. – Она не промокает в воде, не сразу сгорает в огне, но шита обычными нитками. Засунь за пояс и таскай с собой везде. Ты поймешь, когда ее нужно будет вспороть...

Их голубые глаза встретились, и Стормара пристально, с силой рассматривал Гроулиса, похожего на щенка, готового завилать хвостом и запрыгать, если хозяин намекнет о своем хорошем расположении.

– Ты мудрый, хоть ты и лентяй и упрямец, каких поискать, – тихо сказал Стормара. – И у меня много надежд на тебя, сынок. Ты очень нужен мне в грядущем далеком путешествии, ты, твоя храбрость и вера мне.

Он промолчал, перекачивая на языке какие-то слова.

– А пока мы еще не там, где должны быть, – наконец, продолжил старый пират, – пригляди за своей сестрой.

– И что это значит? – гневно спросила королева Ареата. Советник попятился – Ее Величество с самого утра пребывала в отвратительном расположении духа (впрочем, как и в течение последних нескольких лет). Она сидела в углу тронной залы в кресле размытым темным силуэтом. Ее лица не было видно – только, казалось, горели в полумраке бледные глаза.

Советник сглотнул, еще раз поклонился и ткнул пальцем в большую карту, растянутую слугами перед Ареатой:

– Остров Отщепенцев, которому вы дали помилование 12 лет назад, – дрожащим голосом продолжал он. – Плавающая скала, которую прибили к дну морскому цепью...

– Ну?

– Сегодня ночью кто-то порвал цепь, и теперь Остров дрейфует по направлению к Галласу и Аллурии...

– И какое мне может быть до этого дело? – взбесилась королева. – Болваны! Как вы смеее отвлекать меня подобной ерундой?

Неожиданно она смолкла и словно сдулась, увидев за спинами советника и слуг новую фигуру, медленно подходящую к ней. Очевидно, она обладала какими-то особыми привилегиями перед всеми остальными: ее чарующий голос окутывал и успокаивал Ареату, а на остальных присутствующих, в том числе и на королевского советника, гость не обратил и малейшего внимания.

– Ваше Величество, – мягко произнес мужчина, выйдя перед картой и склоняясь перед королевой, – боюсь, это не такая безобидная новость, как вам могло показаться. Остров Отщепенцев – это город, где после нашей Великой Победы собрался весь сброд, считающий себя преданным королю Римрилу. Сейчас они уже обо всем забыли и заросли жиром. Но именно здесь осел когда-то старик по прозвищу Сказочник, который на самом деле является ни кем иным как бывшим капитаном Соленым Псом...

– Это исчадие ада, – простонала Ареата. – Но я ведь видела его отрубленную голову своими глазами!

– Нас обманули, Ваше Величество. Соленый Пес, он же Стормара, все это время пребывал в добром здравии. И я полагаю, что странное поведение Плавающей скалы – это его рук дело. Кроме того, мне передали весть о том, что на Острове объявился Мовен. Его вы тоже должны помнить – человек незауряднейших способностей и редкостного предательства...

– Все самые мерзкие паразиты решили собраться в одном месте! – ахнула Ареата.

– Я буду очень удивлен, если окажется, что это совпадение, – ответил ее собеседник. – Особенно если учесть, что все двенадцать лет Соленый Пес растил на Острове двух неродных детей, которых подобрал двенадцать лет назад на рынке работоторговцев, а Мовен... Вы и сами знаете, кому он все это время верен и чего ищет.

Ареата судорожно вскочила с кресла, едва удержавшись на ногах. Слова собеседника застали ее врасплох; из приоткрытого рта вырывались бессвязные обрывки слов.

– Ты думаешь, – наконец произнесла она, совладав с собой, – ты думаешь, это они?..

– Я не могу быть уверен ни в чем. Но не проверить это будет роковой ошибкой...

Они помолчали. Ареата обдумывала разговор, закусив губу.

– Что ж... Сир Аэрин, – медленно, дрожащим голосом обратилась она к советнику, который немедленно начал кланяться и расшаркиваться, – дайте королевский приказ на Остров Отщепенцев привести мне Соленого Пса и его детей под строжайшей охраной. Вышлите туда самый быстрый и защищенный наш корабль – плавучий, летучий, а может, сразу оба – и если нужно, пусть захватят их силой...

– А Мовен? – спросил советник. – Как быть с ним? После того, что он устроил в городе кьенгаров и как легко подчинил их себе...

– Я возьму его на себя, – перебил гость королевы. – Он слишком силен и хитер, деревенщинам с Острова его не схватить. Соленый Пес, конечно, тоже не простой человек, – но все же он стар и за двенадцать лет работы нянькой утратил большую часть своих сил. Мовена я буду поджидать в Аллурии...

– Добро.

Королева нервно замахала на советника и слуг руками, прогоняя их прочь, а гостя пригласила к себе с чувством, в котором причудливо мешались тревога и сладостное предвкушение.

«Дорогой друг,

Спешу порадовать вестью о том, что тыквы наконец созрели, и я везу тебе самую сочную, королевскую тыкву. Не могу знать, когда именно прибуду – буду надеяться на милость Богов и быстроту лап всяких дружественных сил. Собирай друзей, будем пировать вместе, но не порть заранее сюрприз длинными рассказами, чтобы не привлекать ненужных гостей. Говорят, грядут благодатные дожди, нужно встретить их достойно. Обнимаю. Навеки твой,
Пес Шелудивый».

Тавни сунула письмо, адресованное какому-то Белому Оленю, обратно в конверт и попыталась приладить клапан языком. Все послания были адресованы разным людям, без печати – Стормара сообщал кому-то о своем визите, но не хотел быть узнаваемым почтовой службой. Она развесила письма на лапы голубей.

Она шла через город, по-прежнему тихий, словно вымерший. Отщепенцы, против всякой своей натуры, игнорировали даже развлечения в виде музыки и танцев, а главную площадь, на которой явил себя Дух Острова, и вовсе обходили стороной. Она шла на Почтовую башню, высившуюся на скале недалеко от порта, ловя на себе полные подозрения взгляды. «Я здесь ни при чем, – хотелось закричать ей. – Я понятия не имею, что происходит у него в голове»... Неожиданно ее взгляд встретился с взглядом темных глаз из-под рыжеватых локонов. Хмыкнув, Гриф ускорил шаг и постарался поскорее скрыться в толпе.

– Гриф! – закричала она ему. Гриф остановился и повернулся к ней: лицо его было бесстрастным и чужим.

– Чем могу быть полезен? – сухо осведомился он. Люди вокруг бросали на странную парочку недоверчивые взгляды, чем нервировали молодого отщепенца и Тавни.

– Я... Мне нужно поговорить с тобой...

– Боюсь, сейчас я не могу ничем помочь, спешу на урок. – Каждое его слово, вежливое, но холодное и острое, как лезвие ножа, прорезало в груди какую-то дыру. – Да и у тебя, как я вижу, свои дела на почте.

– Пожалуйста, – взмолилась Тавни. Взгляды праздных горожан притягивались теперь с еще большим любопытством, но ей было все равно. – Я узнала кое-что... И все равно ничего не понимаю.

– Ты молода. В моем возрасте обнаруживаешь, что ничего не понимать – это естественная часть жизни. А теперь мне пора бежать. – Он взял ее руку в свою и наклонился к ней, глядя в глаза. Тавни, не привыкшую к такому обращению, бросило в жар. Гриф приложил руку к губам. Поцелуй его длился долю секунды – но, погруженная в смущение, она не сразу поняла, что он едва слышно шепчет ей:

– Иди на почту немедленно.

Он отпустил ее руку и прыгучей походкой поспешил прочь.

– Тавни! Пстой-ка! – окликнул ее вдруг старенький смотритель Почтовой башни песочным голосом. – А у меня для тебя письмо ведь тут завалилось...

Сердце Тавни пустилось в бешеный пляс.

– Его давеча для вас снял с птицы этот новый юноша, как же его...

– Гриф?

– Точно, он. Увидел твое имя и велел передать строго тебе в руки. Не Сказочнику и не брату, а вот только тебе. Почему, интересно бы? – Подслеповатые глаза смотрителя хитро блеснули из-под белоснежных бровей.

– Не знаю... – Тавни схватила письмо и выкатилась из почтовой башни на улицу.

Она пронеслась по городу быстро, как ураган, и добежала домой без намека на усталость. Стормары в саду и, кажется, дома не оказалось, Гроулис дремал в гамаке; Тавни забежала в дом, села на пол у порога и дрожащими пальцами распечатала конверт без печати, без адресата

и обратного адреса, но с нарисованным красивым желтым цветком с крупными лепестками. Это тот самый почерк, подумала она, и опьяняющая мысль, вскружив ей голову, не позволила прочесть текст с первого раза.

Да, это было оно – письмо от матери, и судя по всему, она так и не получила ответа от Тавни, когда та оправила его на ее первое письмо. Некрестьянский, тонкий почерк без единой ошибки на тонком листе. Всего несколько строк, в которых ни разу не упоминалось имя, странные вопросы о том, как она поживает, ходили ли они со слугами в горы и как себя чувствует ее ручной сокол. Слова мягкие и простые, словно обращенные к ребенку, но написанные с такой заботой, любовью и материнской тревогой, что горячие слезы выступили на глазах Тавни. Мать не подписалась, не поставила даты, ничего не приложила к письму, и вообще были большие сомнения, действительно ли это ее мать и ее письмо – но Тавни с детским упрямством гнала от себя эти мысли. Первое письмо, в котором тоже не было ничего, кроме теплых слов и тоски женщины, оторванной от своего ребенка, вселило в нее тогда, год назад, чувство, что ее настоящая жизнь – не такая уж непостижимая даль, как кажется.

Новое письмо заставило ее решительно подняться по лестнице на второй этаж их небольшого дома и зайти в комнату Стормары.

Заставленная диковинными приборами, садовыми инструментами, рисунками, книгами, разными предметами и одеждой, она нечасто принимала иных гостей, кроме своего хозяина. Трудно было сразу понять, где здесь кровать, а где стол и все остальное, но Тавни с детства знала, как выглядит маленький резной сундук, в котором Стормара хранил письма с Большой Земли. И этот сундук стоял сейчас прямо перед ней, в изголовье кровати, подсвеченный лучом солнца из окна.

Плотно закрыв за собой дверь и стараясь вести себя как можно тише, Тавни откинула крышку сундука и стала рыться в старой корреспонденции. На миг ей показалось, что она нашла такой же, как у ее писем, конверт, но письмо в нем было от какого-то Феррета Фринка. Наконец, она с замиранием сердца нашла их – пять писем на той же тонкой бумаге, тем же почерком, с теми же робкими вопросами и без имен. Они были старые, никак не связанные между собой, с неизменным желтым цветком. Тавни читала и что-то внутри нее выло от боли и тоски, как раненное животное, как выл и хрипел на главной площади Дух острова.

Как он мог скрывать все это от нее в течение стольких лет?

Неожиданно свет солнца из окна перебила густая тень. Зацепившись когтями за подоконник, в окно просунул голову Урхас. С любопытством посмотрев на нее янтарными глазами, он тихо каркнул, как будто боясь разбудить Гроулиса, и из его глянцевого клюва выпало новое послание, без конверта, написанное мелким убористым почерком:

«Я уплываю завтра вечером. Меня позвала Большая Земля. Мои друзья завтра приплывут за мной на корабле. Пойдем со мной. Пожалуйста. Рядом с этим обманщиком тебе не место».

На следующий день, ближе к закату, Совет в полном составе собрался вновь. Несмотря на лучезарность утра, лица были мрачнее туч – все, кроме одного. Мастер Торговли держал в руках свиток, края которого были оторочены золотой вязью, а с массивной печати свисала синяя лента.

– Значит, все решилось само собой, – сказал он, не стараясь сдерживать удовольствие в голосе. – Я, признаться, чувствую немалое облегчение. Мне не хочется брать на свою совесть чью бы то ни было душу.

Кеслан Дуор невидящим взглядом бороздил столешницу перед собой. За все утро он не сказал ни слова.

– И как вы собираетесь это осуществить? Взять его силой? – спросила Ива. – Он не сдастся по своей воле.

– Если потребуется сила, придется прибегнуть и к ней, – сказал Начальник Стражи.

– Тем более что все сокровища, которые он прячет в доме, тоже придется изымать.

– А что за него обещали?

– Да черт бы вас всех побрал! – взревел Кеслан. Остальные испуганно притихли. – Вы что, совсем не понимаете, что происходит? Принуждая нас отдать ей отщепенца, кем бы он ни был, Королева заставляет нас распрощаться со всеми нашими законами! Вот, – он помахал другим листом с такой же окантовкой и печатью, – грамота о помиловании, подписанная 12 лет назад, в которой она обещает не лезть в наши дела и признает право на независимость. От нее, от Аллурии и Галласа и своих друзей Срединных. А теперь, из-за какого случая из далекого прошлого, она требует! От нас! Выдать ей аж троих наших сограждан! Двое из которых еще даже не взрослые люди... Вы понимаете, чем это чревато?

– А чем чревато неповиновение Королеве, господин Градоправитель? – спросил Начальник Порта. – Всего-то одна уступка трону за все 12 лет спокойной жизни. Она пообещала впредь не трогать нас, передать его имущество...

– У Сказочника нет ничего ценного. Только ветхий домишко на отшибе, груда мусора и книг и растения! Его сказочные сокровища – старый миф, я лично вместе с ним продавал корабль и все, награбленное Псом, чтобы обустроить ваш чертов город!

– ...И предоставить щедрую награду, которая компенсирует наши расходы из-за лопнувшей цепи.

– Я не понимаю вас. Вы ведь тоже когда-то принимали Сказочника, как своего соседа и друга. Он многим из вас помогал, многих знал еще до острова. Что с вами стало? Неужели жадность так глубоко закралась в ваши сердца? Или страх поборол в вас совесть? Вы все... Особенно ты, Ива...

Он с каким-то усилием заглянул ей в глаза – и Ива пристально ответила холодным, спокойным взглядом. Кеслан Дуор подавил желание наброситься на кого-нибудь с кулаками и лишь сердито жевал ус. Затем он рассерженно вскочил, выхватил из рук Мастера Гильдии карту с путем дрейфа Острова Отщепенцев и выскочил из кабинета, бросив на прощание:

– Делайте что хотите. Завтра я снимаю с себя полномочия Градоправителя. Разбирайтесь дальше сами, я стар и болен, я устал от вас.

Он хлопнул дверью с такой силой, что большинство членов совета нервно вздрогнули на своих креслах. Наконец, Мастер Торговли вздохнул, и его хорьковое лицо расплылось в несмелой улыбке:

– Одной проблемой меньше. Ну что ж, господа и дамы... Я полагаю, пора снаряжать отряд для ареста. Сказочник действительно не дастся просто так, но взять его нужно живым. И обязательно – с детенышами. Ума не приложу, зачем они могут понадобиться Королеве, но раз так прописано в послании Ее Величества – надо выполнять задание в точности.

Начальник Стражи поднялся со своего места, коротко отдал честь всем присутствующим и вышел из кабинета. Ива выскользнула вслед за ним.

Глава 6. Жертва

Стормара уже почти уложил все вещи, которые могли понадобиться ему и его детям на Большой Земле, в три большие сумки. По его расчетам, Аллурия должна была появиться на горизонте же утром, и каждая минута была на вес золота. Неожиданно он заметил небольшой эскорт, направляющийся по дороге из города к его дому. Возглавляла эскорт молодая полная девушка с красивым лицом, на котором застыла тревога, пересекшая ее высокий лоб глубокой морщиной.

– Здравствуйте, дорогая Кеана Дуор, – крикнул ей Стормара, пока та, подобрав пышные юбки, слезла с седла под руки своих приближенных. – Чем могу быть вам полезен?

– Отцу нездоровится. Соберите мне трав, как обычно.

Стормара прошел к старому сараю, где сушились его травы, а Кеана Дуор последовала на нем, рассматривая сад и дом. Пока он связывал травы в пучок, она наклонилась, близоруко рассматривая мелкие сушеные цветочки, плоды и листики, а затем тихо, чтобы никто кроме Стормары ее не слышал, прошептала:

– Сегодня пришло письмо от королевы Ареаты. Она потребовала сдать вас и ваших детей ей. Вас арестуют сегодня вечером и отправят к королеве на военном корабле.

Ни единая мышца не дрогнула на лице Стормары.

– И все согласились?

– Все, кроме отца. Он был против, но его никто не послушал. Завтра он покинет пост Градоправителя, и вся наша семья уедет с Острова Отщепенцев в Цваар.

– Мне очень жаль.

– Слушайте. Пока отец еще имеет здесь силу, он может вам помочь. Идите в Старую Бухту как можно скорее, там вас ждет лодка. Не берите вещей, бегите как можно быстрее. Там есть еда и все, что может пригодиться. До берега Аллурии еще далеко, но на веслах вы с сыном доберетесь. Не медлите, бегите сразу, как я уйду.

– Я не знаю, как благодарить вас и вашего отца, – произнес Стормара.

– Просто останьтесь в живых и не попадите в лапы Королевы, – сверкнула Кеана Дуор глазами, совсем как отец, и положив травяной сбор в маленькую сумку, вернулась к своему эскорту.

– Благодарю вас за щедрое вознаграждение за мой скромный труд, – громко сказал Стормара, помогая ей взобраться в седло.

– Так сделал бы каждый в городе, в ком осталась хоть капля благородства, – ответила Кеана Дуор, кивнув в сторону города, и оборвала себя на полуслове. Стормара проследил за ее взглядом.

Над городом вился густой черный дым.

– Пожар! – ахнул кто-то из слуг дочери Градоправителя.

– Где Тавни и Гроулис? – крикнула она Стормаре.

Не говоря ни слова, Стормара схватил со стоящего рядом пня саблю в ножнах и бросился к городу.

Тавни вошла в темный зал недавно отстроенной библиотеки, еще пахнувшей деревом. Здесь редко кто бывал – Отщепенцы предпочитали свиткам и книгам рынок, концерты и званые вечера, но Мастер Знаний, Ива и Стормара настояли на постройке библиотеки, куда были перевезены книги для обучающихся наукам молодых людей. Она несмело прошла мимо стеллажей, уже одетая в походный наряд, с сумкой на бедре, куда сложила свои драгоценные письма, пару любимых книг и амулетов, вырезанных лично Гроулисом, и перо Урхаса.

Внезапно в дальнем конце зажегся маленький огонек свечи. Гриф, так же одетый в удобный камзол и плащ, выскользнул из мрака навстречу ей.

– Я боялся, что ты не ответишь на мое приглашение, – тихо сказал он. – Мой корабль ближе, чем я ожидал. Уже через пару часов он причалит к берегу, и мы с тобой уплывем в земли, о которых ты всегда мечтала.

Она не ответила. Слова не приходили на ум. Красивое, немного усталое лицо Грифа в обрамлении вьющихся волос омрачила тревога.

– Что с тобой? Ты переживаешь за Стормару?

– За брата... За отца мне переживать нечего. Он врал мне. Эти письма, которые должна была получать я, перехватывал он и никогда не рассказывал о них. Моя мать жива и она еще ждет меня, а он, наверное, знает, кто она, где она и... Почему так?

– Не вини старика в слабости. Он никогда не умел заботиться. Никогда не любил преданную ему жену. Никогда не понимал сына, а спохватился, только когда того не стало. Но о вас он заботился, как мог. А Гроулис – уже мужчина, причем довольно умный и сильный. Я бы взял его с собой тоже, но боюсь, он не согласится. Он слишком привязан к Стормаре.

– Я уговорю его, – жарко сказала Тавни, – он редко меня слушает, но пожалуйста, дай мне шанс сделать это.

Гриф вплотную подошел к ней и взял в свободную руку прядь ее черных жестких волос.

– Зачем он нам? – спросил он после недолгой паузы, не отрывая глаз от ее волос в своих пальцах. – Не мешай ему идти по своему пути. А у тебя путь свой, и никакой Стормара не должен решать за тебя. И я не буду. Я просто хочу помочь тебе освободиться, я помогу тебе найти твоих родных. Ну же, чего ты?

Тавни нерешительно топталась перед ним, чувствуя, как сбивается дыхание и голова, переполненная мыслями и переживаниями, словно погружается в вязкий туман.

– Обними меня, – мягко попросил Гриф, и несмелая улыбка осветила его лицо.

– Тавни! – прорычал сзади знакомый голос.

Гроулис, держа в искалеченной руке горящий факел, а в здоровой неуклюже зажав короткий меч, с ненавистью смотрел на Грифа. Тавни испуганно отпрыгнула от Грифа.

– Что здесь происходит? – спросил Гроулис. – Тавни, живо ко мне!

– Ты ей больше не указ, – устало сказал Гриф.

– А кто теперь указ? Ты?

– Никто. Она сама принимает решения.

– И что это за решение? Пообниматься с чужаком в темной библиотеке?

– Это ревность? – хихикнул Гриф без намека на веселье.

Гроулис одним прыжком оказался перед Грифом и взмахнул мечом в каком-то дюйме от его длинного носа.

– Решение – убраться подальше от Острова Отщепенцев с его ложью и бегством от всего настоящего, – терпеливо объяснил Гриф, поняв, что с Гроулисом в такой ярости лучше не шутить. – И ты тоже можешь этот сделать. Стать, наконец, мужчиной, а не полусонным сопляком. Это она предложила взять тебя с нами. На мой взгляд, тебе для Большой Земли не хватит ни манер, ни кишок.

Гроулис посмотрел на Тавни, смотревшую на них в тусклом свете фонарей, сжавшись от страха.

– Она как-то не выглядит особо решительной, – саркастично заметил он. – Тавни, а ты уверена, что это твое решение, а не его сладкие речи? Ты правда готова бросить меня и отца, чтобы отправиться неизвестно куда с этим драконом?

– Сколько еще ты собираешься прятаться за Стормарой, сопляк? – Наконец, Гриф тоже вышел из себя. Рычать он умел не хуже Гроулиса; на миг в его мимике появилось что-то собачье, неуловимо и странно похожее на выражение Соленого Пса. – Посмотри, что он с тобой

сделал. Мало того, что ты урод, и он не потрудился даже тебя от этого избавить, так еще и трусливый, ленивый и невоспитанный мальчишка, витающий в облаках. А он тебе расскажет сказок, будь уверен! Что ты особенный. Что все это всегда знали, кроме тебя и нее. Потому что он вас берег. Я похож на слабоумного, Гроулис? Я хорошо знаю, о чем говорю, и ты сам чувствуешь, что я прав. Так ведь?

Гроулис смотрел на него, борясь с ненавистью и собственными сомнениями, которые со словами Грифа вдруг взбаламутились в нем, как ил со дна растревоженной реки. Он смотрел на Грифа, пытаясь прочувствовать самое верное решение, а тот гипнотизировал его. В свете факела Тавни вдруг впервые заметила, что левый глаз у него синий, а правый с шрамом, обычно прикрытый волосами – карий и странно тусклый, мертвый...

Гроулис встрепенулся, словно после полудремы, и швырнул факел в груды не расставленных по полкам книг и свитков – прямо за спину Грифа.

Библиотека мигом запылала. Высохшая бумага затрещала в жадном пламени. Огонь перекинулся на край плаща Грифа, опалил концы его волос, и в воздухе запахло паленым. Что-то зазвенело, зашипело и лопнуло, примешав новые резкие запахи – то были образцы подмастерьев алхимии. Дым быстро заполнял помещение, Тавни закашлялась, и прежде, чем она смогла отдышаться, Гроулис схватил ее за руку и потащил к выходу.

Огонь из окон библиотеки перекинулся на еще неубранные строительные леса, высушенные беспощадным летним солнцем. Тавни и Гроулис выбежали на улицу, где уже паниковал и бездумно носился народ, неся мешки с песком, ведра с водой и все, что могло бы утихомирить пламя. Подмастерья и мастера с громкими причитаниями путались под ногами, хватаясь за сердце.

– Гроулис, ты сумасшедший, – прохрипела Тавни на бегу.

– Сама виновата. Я предупреждал! – кинул он на бегу, и рывком подтянул ее к себе, заставляя бежать быстрее.

Они бежали по дороге к дому, и постепенно крики и шум переполоха позади становились все тише. Неожиданно на дороге откуда ни возьмись из сумрака вывалились двое стражей в полном облачении, Ива и Начальник Стражи – высокий, крепко сбитый человек с жестким лицом и бритой головой, покрытой старыми шрамами. Он встал прямо у них на пути, как живая гора, и скрестил руки на груди, показывая всю непререкаемость своих намерений.

– Гроулис и Тавни Штормара, – шепеляво из-за отсутствия нескольких передних зубов возвестил он, – прошу прошледовать жа мной без глупостей.

– Зачем?

– Вы и ваш отец арештованы и будете жавтра отправлены в столицу по указу Ее Величества.

– Но мы на Острове Отщепенцев, – воскликнула Тавни. – По закону, принятому Советом и Градоправителем, мы никогда и никому не сдаем своих резидентов!

– Жакон ижменилшя, – железо ответил Начальник Стражи и кивнул своим сопровождающим. Оба подошли к Тавни и Гроулису и сомкнули крепкие пальцы на их предплечьях, разъединяя друг с другом.

– И ты? – взвыл Гроулис Иве, пытаясь вырвать свою руку из захвата стражника.

Ива была одета в диковинный костюм, какие в Стране Вечномолодого Солнца носили высшие воины. На ней были темно-зеленые широкие штаны и панцирь, защищающий спину и грудь, а за плечами топорщился колчан с длинными стрелами и лук. В руках она сжимала пару легких коротких мечей.

– Нет, – неожиданно ответила она и одним неуловимым движением нанесла удар обоими мечами по рукам стражей.

Воины разразились оглушительными воплями боли. Удары были слабыми, скользящими, но оставили глубокие царапины. Гроулис и Тавни бросились дальше к дому, вдвоем столкнув Начальника Стражи, который явно не ожидал от Ивы такого удара. Ему удалось быстро подняться на ноги, но она с размаха ударила его ногой, с силой, какая была присуща не каждому мужчине, и бросилась следом за ними.

Оглянувшись, задыхающаяся от ужаса, недоумения и быстрого бега Тавни увидела целый отряд преследователей. Мимо ее уха просвистела стрела, и Ива, молниеносно забросив ножи в ножны и вытянув стрелу и лук, сделала ответный выстрел. Раздался новый крик боли, и страж-лучник осел на землю, держась за проткнутую ногу. Ива, которую длинные ноги несли быстрее и легче, чем Тавни и Гроулиса, обогнала их, запрыгнула на торчащий прямо из земли большой камень и стала посылать стрелы одну за другой. Она целилась в ноги или близ головы, и этого было достаточно: стражи, которым за все 12 лет не приходилось выполнять свою работу и которые сейчас не понимали толком своего задания, обленившиеся, толстые и потерявшие былую хватку, и сами не горели желанием драться. Наконец, Начальник Стражи, опомнившийся от сурового удара Ивы, взревел и погнал подчиненных в атаку.

– Бегите к Стормаре, я задержу, – сказала Ива.

– Незачем.

Он вынырнул из ниоткуда, с ржавой саблей в руке, сосредоточенный и странно спокойный.

– Я думал, ты вместе с остальными поддержала решение о моем изгнании.

– У меня не было возможности узнать об этом по-другому, пришлось подыграть, – просто ответила она.

– Предупредила б хоть... Отведи их к лодке, которая стоит сейчас в Старой Бухте. Я скоро вас догоню.

– Я останусь с тобой! – жарко сказал Гроулис, но Стормара грубо отпихнул его:

– Пошел вон! Ты сядешь в лодку первым, понял? Какого черта вы оба вообще забыли в городе, когда мы все должны были готовиться к побегу?

Он посмотрел на Тавни, и ему как будто все стало ясно в один момент. Ей казалось, что прямо сейчас он видит перед собой картины того, как она встречается с Грифом и как Гроулис выволакивает ее за руку из горящей библиотеки. Стормара ничего не сказал и лишь подтолкнул под локоть Иву.

Когда они скрылись в темноте, Стормара ухмыльнулся во весь рот, глядя на приближающейся отряд стражей. Начальник Стражи возглавлял группу, с тяжелым мечом наголо, глядя на него.

– Добрейшего вечерочка, джентльмены, – возвестил Стормара и, вернув саблю в ножны, широко раскинул руки.

Стражи с опаской подошли к ухмыляющемуся старику, как к опасной зверюге. Им было так страшно, что он сам протянул к ним руки:

– Подойдите ближе, я не кусаюсь, зубы уже не те. Ну, чего ты, Начальник Стражи? Даже не скажешь ничего?

– Хёг Штормара, известный также под именами Шкажочник и Шоленый Пеш, – неуверенно проговорил Начальник Стражи, разворачивая свиток с синей лентой. – От имени королевы Ареаты...

– Дальше, дальше, – поторопил Стормара. – Формальности меня не интересуют. За какие грехи?

– Ижмена и... убийство детей короля Римрила – племянников королевы Ареаты, долгая ей лета! – двенадцать лет нажид.

– Я не убивал детей короля, – заявил Стормара и окинул взглядом всех присутствующих – Начальника Стражи и притихший конвой, по-прежнему боявшийся к нему приближаться.

– Прикаж ешть прикаж, – совладав с собой ответил Начальник Стражи и указал на него острием шпаги. – Вжать его. – Стражи не шелохнулись. – Ну же! Это вшего лишь полоумный штарик!

– Нет-нет-нет, ты не понял, – рассмеялся Стормара, делая несколько шагов назад, смехом, в котором угрозы было больше, чем веселья. – Я не собираюсь с тобой никуда идти. Я отправляюсь отсюда прочь, неуважаемые господа, растерявшие последнее достоинство. Но напоследок мне хочется, чтобы вы посмотрели – и рассказали всем в этом продажном городишке, особенно своим детишкам – как умеют сражаться, как ты сказал, полоумные старики, которым еще есть, ради чего пожить и ради чего умереть.

– Еще шлово, и я отправлю тебя к королеве беж яжыка! – взревел наконец Начальник Стражи и кинулся на Стормару.

В следующий момент Начальник Стражи остановился как подкошенный, пытаясь понять, в каком момент разум оставил его. Яркий свет ударил его по глазам, особенно ослепляющий в сумерках. Открыв глаза, стражи бросились врассыпную. Окруженное светом, размахивая ржавой саблей, с того места, где пару секунд назад стоял седобородый лысый старик, на них утробно рычало лохмато-чешуйчатое крылатое существо, ничем больше не напоминавшее человека. Оно скалило длинные клыки и рычало и в следующий момент набросилось на Начальника Стражи, как ураган.

Лодка качалась на волнах недалеко от берега Старой Бухты. В сумерках белый парус горел ярко, как факел. Она была далеко, но тянула к себе, как одинокий маяк. Со скал, на кото-

рые взобрались Стормара, его дети и Ива, к Старой Бухте вела крутая лестница, вырезанная прямо в красноватых камнях.

Стормара догнал их спустя несколько минут. На его губах и подбородке запеклась кровь.

– Ты ранен? – спросил Гроулис. – Как тебе удалось от них оторваться?

– Куснул Начальника Стражи, – усмехнулся Стормара. Он был бодр и весел, хотя и тяжело дышал. Отчего-то – наверное, в свете луны – от него исходило странное свечение, обволакивающее его худую фигуру. – Но для научного мышления Тавни скажу, что мне немного разбили губу. Я сбежал, поэтому поторапливайтесь...

Они едва ступили на первые ступени, вырезанные в камне, как вдруг тишину пронзил вороний вопль, и огромная тень пала с неба перед ними, раскрыв оба своих крыла. То был Урхас – взерошенный и гневный, как сама стихия ночи, а следом за ним из мрака вынырнул Гриф. Луч лунного света пал на его лицо, перекошенное напряжением и какой-то мукой. В руке он держал изогнутый длинный меч.

– Снова ты, – в ярости прохрипел Стормара, решительно направляясь к Грифу. – На сей раз я не буду щадить тебя.

– Прояви благоразумие, – ответил Гриф. – Я тебе не враг и никогда им не был. Мы можем решить все миром.

– Миром?..

Стормара с диким, звериным воем налетел на Грифа, но тот с удивительной легкостью отбил его мощный удар. За их молниеносными движениями было невозможно уследить – старый пират и тот, кто выдавал себя за мирного путешественника, бились с такой силой, словно всю жизнь были искуснейшими фехтовальщиками. Гроулис было бросился на помощь отцу, но Урхас схватил его клювом за плечо и одним рывком отбросил на скалы, так что у Гроулиса перехватило дыхание. Исполинский ворон накинулся на Иву и стал с неистовыми криками терзать ее клювом и когтями, бешено рассекая воздух крыльями.

Тавни не могла заставить себя пошевелиться от ужаса. Бой Стормары и Грифа отдавался в ее ушах оглушительным звоном металла, а в глазах рябило от быстроты движений рук, ног и нечеловеческих оскалов на лицах. Казалось, вместо двух мужчин на краю скалы борются два больших пса – они оба рычали, пытаясь запугать друг друга и распалить себя как можно сильнее, и ни у одного не было преимуществ перед другим. Свечение, которое бросала на них яркая Луна, превращала их в два ярких урагана: взмахи рук были так быстры, что руки были уже похожи не то на лапы, не то на крылья каких-то странных существ, выползших их старых сказок...

Урхас завалил Иву на землю и пригвоздил ее лапами, угрожая вцепиться клювом в ее лицо. Невесть откуда взявшийся Мирч, едва не умирая от страха, задышался лаем и пытался подступиться к огромной птице, но лапы сами относили его прочь, едва враг обращал к нему свой чудовищный клюв.

Вдруг Гриф одним резким движением перерубил ржавую саблю Стормары, и та разлетелась в руке пирата на жалкие осколки, оцарапав ему руки и лицо. Старик припал на одно колено, зажимая кровавую рану на щеке, а Гриф навис над ним. Они смотрели друг на друга с каким-то злым недоумением, словно не понимая, как судьба могла свести их на этих скалах в бою. Тавни пришло в голову, что они могли уже несколько раз прикончить друг друга, но Гриф медлил, а Стормара лишь смотрел на него...

Очнувшийся Гроулис кинулся к Грифу, отчаянно крича, с голыми руками. Кончик меча Грифа переметнулся от Стормары и уткнулся Гроулису в кадык, заставив его застыть на полушаге.

– Я снесу ему голову, если вы сейчас же не прекратите, – прошипел Гриф.

Стормара рассмеялся. С ее места Тавни было видно, как двумя пальцами он незаметно для Грифа вытянул из сапога остро отточенный нож. Странное свечение покинуло его – и, хоть он смеялся, он снова казался старым. . .

– Да не убьешь ты его, – сказал сквозь смех Стормара. – Не сможешь. И тебе это не нужно. Ты не за нашей смертью сюда пришел, верно?

– Да, но мальчишку все равно убью, если не угомонитесь, – не стал лукавить Гриф. Кончик его меча еще сильнее нажал на горло Гроулиса – выступила первая капля крови. – Смотри на горизонт, Стормара. Видишь там мерцающий огонек? Если глаза тебя подводят, то знай, что это мой корабль, и скоро он будет здесь.

– И что же? Столько лет прошло, а ты по-прежнему лебезишь перед Ареатой?

– Политика меня не интересует. Я никогда перед ней не лебезил и сейчас не стану. Пусть с королевой якшаются твои отщепенцы – у меня союзники получше. Пойдем со мной. Я расскажу тебе все. Я не хочу глупой бойни. Ты нужен мне, и я нужен вам, я и мои помощники. Мы с Урхасом все равно одолеем вас, ты и сам это знаешь. Ты стар, ты слаб. Незачем. . .

Урхас спрыгнул с Ивы, и та поднялась на ноги, схватила Гроулиса, оттащила его к Тавни, на край скалы, и встала между ними и Грифом. Мирч подбежал к Стормаре и встал между ним и Грифом, но тот грубо отпихнул его.

– Если тебе и твоим друзьям, как ты их называешь, нужны все трое, почему ты искушал только Тавни? – спросил Стормара. В складках его широких шаровар рука удобнее перехватывала рукоять ножа.

– Я знал, что вы с Гроулисом так или иначе броситесь ее спасать, и в таком случае мне было бы легче схватить вас. Собственно, так все и вышло, – заметил Гриф. – Иначе ты бы не согласился, даже если бы весь город пошел на тебя войной. Как он сейчас и идет, чтобы передать тебя королеве или убить. . . Но мне ты нужен живым, Стормара. Потрепанным, если захочешь еще со мной подраться, но живым. . .

– Какой же ты глупый, сынок. . .

Стормара встал, кутая окровавленную руку с ножом в широкий рукав своего кафтана. Он медленно обвел взглядом Грифа с его искаженным бледным в свете луны лицом, Иву, Тавни с Гроулисом и Мирча, застывших в ожидании, словно каменные изваяния. Взгляд его был ясен; когда Тавни поймала его, то снова узнала того Стормару, который смеялся от радости, освободив Духа Острова. В серо-голубых выпцветших глазах не было ни злости, ни обид, ни страха – а к ней, кажется, даже была обращена какая-то удивительная нежность. . .

Стормара снова глубоко заглянул в лицо Грифу, странно невесело хихикнул и произнес:

– Быть посему.

И, вскинув руку, вонзил нож в свою грудь по самую рукоять.

Все происходило так быстро, что понимание не успело за картинами, сменявшимися перед глазами Тавни, а чувства застряли в горле, как тяжелый ком. Крики Гроулиса и Грифа и лай пса слились в один протяжный вой. Ива, схватив кинувшегося к Стормаре Гроулиса, швырнула его со скалы прямо в море. Стормара с тихим хрипом медленно оседал на землю; из его рта лилась темная кровь. Когда он завалился на спину, Гриф, обезумевший и дрожащий всем телом, припал к нему, пытаясь вынуть нож и зажать другой рукой хлещущую из груди кровь. Его ладони словно светились в тусклом свете луны, подсвеченные какой-то неясной силой, и он быстро и неразборчиво шептал что-то себе под нос.

– Не смей! Не трогай его, не смей! – завизжала Тавни, сбрасывая с себя оцепенение. Глаза ее застлал густой туман, она видела лишь силуэты лежащего на голых камнях отца и Грифа, пытавшегося запоздало исправить катастрофу. Она попыталась приблизиться к ним, но сильные руки Ивы схватили ее за плечи и так же, как и Гроулиса, бросили со скалы прямо в бурлящее море.

Рыжий пес, стоя на краю скалы у тела своего хозяина, заунывно взвыл.

Глава 7. Большая Земля

Она не успела даже испугаться – только сделать короткий вдох. Воды моря поглотили ее и потащили на дно – в одежде и тяжелых ботинках, без опоры, было трудно подняться на поверхность. Тавни погружалась все глубже, и в ушах уже отбивал свои удары гулкий стук потрясенного сердца. Он погиб... Погиб, чтобы теперь и она утонула, обесценив его безумную, страшную жертву.

Отчаяние вливалось в Тавни, как соленая морская вода, и ослабляло каждую ее конечность. Это конец, думала она на грани обморока. Но ведь это и хорошо. Он погиб из-за нее. Погиб, думая, что она его ненавидит. Но ведь она не ненавидела – напротив, она не представляла себе жизни без Стормары, и поэтому как хорошо было бы теперь, чтобы не встречаться с этим осознанием – тоже утонуть, раствориться, исчезнуть...

Вдруг ее руки уткнулись в скользкую, покрытую гладким ворсом поверхность. Она трепетала под пальцами Тавни как живая, и девушка из последних сил схватилась за чью-то толстую шею, венчающуюся жесткими волосами и какими-то рыбьими шипами. Существо мощно несло вверх, к воздуху, и наконец, подняв фонтан брызг, всплыло на поверхность.

Раньше Тавни видела таких зверей лишь на картинках в старых книгах – а теперь живой гиппокамп, из плоти и крови, покрытый серебристой мелкой чешуей, и яркими синими плавниками, нес ее прочь от Острова Отщепенцев, следя, чтобы ее голова оставалась над поверхностью воды. Двухногий конь, с длинной мордой и рыбьим хвостом, чьи ноги венчали не копыта, а широкие перепончатые лапы, вскинул голову и издал тонкий свист – и другие голоса откликнулись на его глас. То был целый морской табун удивительных зверей. Рыжий гиппокамп

с львиной гривой нес на своей спине Гроулиса, а сзади догонял еще один серый, на котором сидела Ива. Они плыли быстрее любой лодки, и, казалось, наличие всадников нисколько их не тяготило. Остров Отщепенцев – самая безлюдная его часть с отвесными скалами, быстро скрывался с глаз, плывя своим особенным путем в другую сторону.

Так они плыли всю ночь, меняясь под своими всадниками. Иногда волны захлестывали их с головой, и вскоре усталость прогнала мысли о пережитом ужасе и потере. Все трое думали лишь об одном – как не дать рукам соскользнуть с шей морских коней и не быть захлестнутыми волнами. Насквозь пропитанные морской водой тела каждой клеточкой молили о твердой поверхности.

На рассвете на горизонте вспыхнула ярко-зеленая полоса берега. Подняв дикий гвалт, гиппокампы ускорились и наконец выбросились на берег, вытянув длинные чудесные хвосты с огромными яркими плавниками, блестящими в свете молодого солнца как драгоценные самоцветы. Скатившись со спины своего гиппокампа, Ива положила руку ему на лоб, заглянула в огромные черные глаза и хрипло сказала:

– Благодарю вас. Вам сторицей воздастся за свою доброту. – И добавила несколько слов на своем певучем наречии, склоняясь в низком поклоне.

Тавни и Гроулис тоже поклонились, не находя сил выдать из себя и слова. Гиппокампы радостно били по воде лапами, поднимая тучу брызг, а затем один за другим снова погрузились в глубокие бирюзовые воды Болтливоего моря, взмахивая хвостами на прощанье.

Берег, на который принесли их гиппокампы, был дик и безлюден. Всего тонкая полоса песка отделялась морскую кромку от гигантских деревьев с прямыми толстыми стволами, похожими на увенчанную пышной темной кроной стену. После всего пережитого оставаться на открытой местности не хотелось. Собрав последние силы, Ива, Тавни и Гроулис вошли в прохладную сень древнего леса, молчаливого и спокойного, неизменного в течение столетий. Дети Стормары раньше никогда не видели такого леса – на Острове Отщепенцев была лишь небольшая куца роща с кривыми тонкими деревцами на скалах; здесь же ноги утопали во мху и папоротнике, солнце редкими лучами пробивалось сквозь плотные кроны, и стояла такая тишина, что любой шорох или стрекот насекомого вдали заставлял панически вздрогнуть даже Иву. Наконец, они вышли к мелкой речке, бегущей из глубин леса к морю, и рухнули прямо в ее воды, смывая с себя морскую соль и давая отдых задеревеневшим мышцам, в полной тишине. Ива нашла неподалеку сухой глубокий грот, из которого панически выскочили два диких кролика. Тавни и Гроулис забылись долгим глубоким сном.

Проснулись они уже вечером. Ива успела высушить одежду, развести огонь, добыть еды – кроликов и дикие яблоки – и теперь отдыхала перед костром, на котором жарился освежавший кролик. Гроулис и Тавни вышли к ней из своего грота, по-прежнему тихие, с оба с опухшими, мутно блуждающими глазами, и уселись рядом.

– Еда, – кивнула Ива на кролика.

– Я не ем мяса, – просипел Гроулис.

– Придется. Путь нас ждет неблизкий, и не всегда на нем удастся доставать тебе фрукты и овощи.

– Какой еще путь? Стормара... – Слова застряли у него в горле, и он спрятал лицо в ладонях, прерывисто дыша. – Мы понятия не имеем, что он хотел сделать на Большой Земле, – наконец сказал Гроулис. – Он так и не успел это рассказать.

– Зато я знаю. И расскажу, если вы оба наберетесь терпения и выслушаете.

– В последнее время я слишком много слушаю людей, которых не знаю и не могу доверять. Кто ты такая? Откуда ты все это знаешь? Сначала расскажи это, без прикрас и тайн. Мы имеем право знать.

Она горестно вздохнула.

– Хорошо. Я понимаю ваше недоверие, и раз уж вызвалась помогать вам, то быть посему...

От последней фразы Гроулис и Тавни поежились.

– Меня зовут не Ива, а Яраоки Анаката, и я родом из страны Вечномолодого Солнца, где люди не стареют, не склоняют головы перед чужаками и не забывают главного. Мой род – один из самых уважаемых среди карасу, воинов, защищающих Королеву Солнца и страну. Но моя душа никогда не находила в битвах отрады. Судьба наградила моих родителей двумя дочерьми: по традиции, старшую выдают замуж, а младшая продолжает дело своего отца. В семье всегда должно быть не меньше двух воинов... Мне не повезло родиться младшей. Пятьдесят лет назад я покинула свою Родину, рассорившись с отцом, и с тех пор скиталась по всему свету, изучала разные народы и страны, пока не пришло время познакомиться с Севером. Я видела все: как приходили Срединные, как вашим людям морочили голову, заставляя их Уснуть и забыть, кто они такие, как Римрила после его неудачного восстания объявили помешанным и бросили в тюрьму. Несколько лет я помогала нищим, больным, всем, кто попал под удар войны. А затем случай свел меня с провидцем, который сказал мне прибыть на Остров Отщепенцев. Я понятия не имела, что там может меня ждать, но когда встретила Стормару, мне все стало ясно.

– Почему?

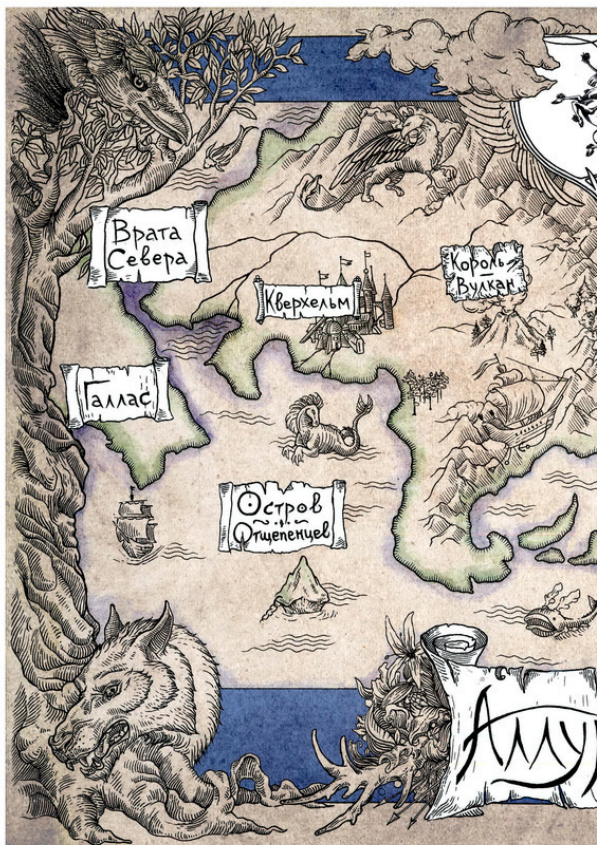
– Раскрой-ка сумку, которую он тебе дал.

Гроулис медленно вынул сумку. Она действительно была покрыта каким-то материалом, отталкивающим воду: выглядела как в тот день, когда Стормара отдал ее ему. Парень с усилием разорвал сшивавшие ее нитки и высыпал содержимое на землю перед собой. В свете костра ярко заблестели драгоценные самоцветы, крупные, размером с перепелиное яйцо изумруды, сапфиры, рубины, аметисты и другие камни. Вместе с ними высыпались золотые цепи, серьги, перстни, броши и запонки.

– Все-таки не все слухи о сокровищах Стормары были сказками, – слабо улыбнулась Яраоки.

– Он знал, – дрожащим голосом ответила Тавни. – Знал, что ему не выбраться с Острова с нами...

В воцарившейся тишине Гроулис взял две небольшие книги, которые тоже выпали из сумки. Первая разворачивалась в большую карту Аллурии со всеми самыми мелкими деревеньками и даже лагерями Срединных. Она была искусно проиллюстрирована – миниатюры на ее полях показывали города, диких зверей, населявших страну, аборигенов в их традиционных нарядах, и прочее. Остров Отщепенцев был здесь же, недалеко от Аллурии и Галласа в Болтливом море, а рядом с ним пририсовали маленького гиппокампа.

– Вчера Остров был где-то здесь, – Яраоки ткнула пальцем недалеко от перешейка Аллурии и Галласа – континентов-близнецов, которые тянулись друг к другу тонкими полуостровами, оставив между лишь тонкую полоску моря. – А мы теперь – где-то здесь... – Палец ее прочертил небольшой кружок на восточном побережье Аллурии. Высокие прямые деревья, вырисованные в этом месте, подтверждали ее догадку.

Тавни взяла в руки вторую книгу с подшитыми листами. Здесь были портреты самых разных людей, искусные, выполненные двумя художниками – очевидно, одни принадлежали руке Стормары, когда он рисовал углем в сени деревьев сада (воспоминания об этих картинах такого далекого теперь прошлого причиняли невыносимую боль), а другие – кому-то, кто в течение всех двенадцати лет присылал раз в полгода новые рисунки, которые сама Тавни забирала с Почтовой башни. Под каждым портретом был небольшой текст рукой Стормары. «Латерфольт, он же Белый Олень, Цваар, Король Следопытов (дата рождения неизвестна). Предводитель повстанцев в городе Цваар. Союзник лесного воинства...» – так значилось под портретом молодого смуглого мужчины с хитро прищуренными глазами и густыми курчавыми волосами, выбивающимися из-под глубокого капюшона.

– Это те, кто борется за прежнюю Аллурию, – сказала Яраоки. – Стормара и его союзник на Большой Земле собирали эти сведения все двенадцать лет. Здесь все о каждом, здесь мелочи, благодаря которым вы всегда будете знать, друг ли перед вами или некто, пытающийся сойти за него.

– Я помню, как он их рисовал, – прошептала Тавни. – Но никогда не рассказывал, кто все эти люди, сколько бы я ни спрашивала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.